

ПАЛАНТИР

журнал
толкиновского общества
санкт-петербурга

№ 60
май 2010

: i ṛṭmṛn :
: i ṛmḡ ṛṭqjma
Λεῖψί ἀμὲρἀρῶ :

**ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

май 2010

: ፤ ምዕራብ ምዕራብ
እስከ ምዕራብ ምዕራብ ፡

Мы начинаем публикацию докладов, прозвучавших на VI Толкиновском семинаре:

- Первухова Н. В.** Роль личности в истории - точнее, личности редактора в истории создания «Сильмариллиона» («Плавание Эарендила»: текстологическая история последней главы «Сильмариллиона») 4
- Сергей Беляков.** Всадники Апокалипсиса versus Воинство Валар 12

- Мария Лифанова (Фред).** Эльфийское целительство - источники, методы, недоразумения (доклад, прочитанный на Зилантконе, ноябрь 2007 г.) 15
- Менестрель Кано (Дьюрин).** Гномы: чужаки в родном краю? История взаимоотношений гномов с народами поверхности на протяжении четырёх Эпох (доклад, прочитанный на Зилантконе, ноябрь 2007 г.) 26
- Джон Гарт** (перевод **Марии Семенихиной**). Толкин, Эксетер-колледж и Великая Война 47

На последней странице - работа **Моргул** «Пещера гоблинов»

ПАЛАНТИР

N 60 май 2010

ЖУРНАЛ

ТОЛКИНОВСКОГО ОБЩЕСТВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Этот номер для вас делали: Мария Семенихина, Дмитрий Виногодов, Золтан Бардинг, Моргул

Наш адрес: 197110 Россия, СПб, ул. Б.Зеленина 15-33

E-mail: zoltan@tolkien.ru barding@mail.ru

Наш сайт: tolkien.spb.ru

Copyright (c) 1997-2010, Толкиновское Общество СПб

Права на все опубликованные материалы сохраняются за авторами. Перепечатка любых публикаций и их частей без разрешения Толкиновского Общества запрещена. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Издание журнала не преследует коммерческих целей.

Редакция благодарит автора использованных в издании шрифтов Tengwar Quenya и Tengwar Sindarin Дэниела Стивена Смита.

Этот доклад продолжает тему, которую на одном из прошлых семинаров уже затрагивали в своем совместном докладе Кеменкири, Одна Змея и я, а именно - текстуальные истоки опубликованного «Сильмариллиона» (в первую очередь я имею в виду основную из вошедших в выпущенную Кристофером Толкиеном книгу текстов - «Квента Сильмариллион»), а также редакторскую роль Кристофера Толкиена (как и почему опубликованный «Сильмариллион» такой, каким мы его знаем). В предыдущем докладе упор был сделан на первый вопрос, а этот больше сосредоточен на втором. Соответственно с этим выбран и материал для анализа.

Разные части «Сильмариллиона» имеют разную текстуальную основу. Материалом для первых глав послужили тексты, написанные Толкиеном после завершения «Властелина колец», последующие же опираются на все более ранние версии, вплоть до того, что в некоторых последних главах единственными источниками являются, с одной стороны, создававшаяся еще в годы Первой Мировой войны «Книга утраченных сказаний», а с другой - составленная почти на сорок лет позднее «Повесть лет» (которая при этом также не доведена до конца и существует сразу в нескольких параллельных версиях).

Однако с самым окончанием «Сильмариллиона», главой о плавании Эарендила и Войне Гнева, ситуация уникальная. Здесь, как и в случае первых глав «Сильмариллиона», имеется поздняя версия текста, относящаяся ко времени после окончания «Властелина колец». При этом, в отличие от первых глав, она *единственная*. Поскольку начало опубликованного «Сильмариллиона» опирается сразу на два параллельных пласта текстов (т.н. «анналистическая традиция», т.е. материал «Анналов Амана» и «Серых анналов»; и т.н. «традиция Квенты», т.е. материал предвоенной и послевоенной версии текста «Квента Сильмариллион» (далее КС), совпадающего с основной частью опубликованного «Сильмариллиона» по своему названию, но далеко не всегда - по содержанию). В основе же главы о плавании Эарендила в опубликованном «Сильмариллионе» лежит только один текст - а именно КС.

И если прошлый доклад был посвящен рассмотрению того, из каких именно «кирпичиков» («Анналы Амана», КС, иные тексты) Кристофер Толкиен строил опубликованный им «Сильмариллион», и попытке понять, почему он выбирал для своей компиляции именно эти кирпичики, а не другие, то на сей раз мне хочется изучить редакторскую работу Кристофера как таковую: какие изменения,

как (и, возможно, почему) он вносил в *единственный* лежащий перед ним текст. И к каким причинам это временами приводило.

Кратко изложу хронологию текстов. В основе главы о плавании Эарендила, входящей в составленный Кристофером Толкиеном «Сильмариллион», лежит вариант «Квенты Сильмариллион» 1937 г., опубликованный в V томе «Истории Среднеземья». Он начинается словами «И они взглянули на Одинокий остров...» («And they looked upon the Lonely Isle...»). В 1958 г. была сделана машинописная копия этого варианта, в которую Толкиен позднее внес некоторые поправки. Эти поправки Кристофер Толкиен опубликовал в XI томе «Истории Среднеземья». Таким образом, если взять текст опубликованного «Сильмариллиона» и затем «вычистить» оттуда авторскую правку, приведенную в XI томе «Истории Среднеземья», а затем сравнить то, что получилось, с версией V тома, то мы увидим, что именно внесено в текст Кристофером.

Вопрос о том, занимался ли Кристофер Толкиен редакторской правкой, - т.е. не сведением воедино различных не вполне согласующихся друг с другом версий, а именно *стилистической правкой* - отпадает почти сразу. Она тут невелика, но несомненна, и местами оставляет стойкое ощущение, что Кристофер - такой же неисправимый перфекционист, как и его отец: почти помимо воли берет ручку и начинает поправлять тут, поправлять там, менять местами слова, дописывать, убирать... Такая вкусовая правка - явление, хорошо знакомое каждому редактору, и удержаться от нее не всегда легко.

В качестве иллюстрации приведу следующий пример. В версии V тома (далее - KC5): «И когда эта новая звезда вошла на западе...» («And when this new star arose in the West...»). В опубликованном «Сильмариллионе»: «И когда увидели вечером эту новую звезду...» («And when this new star was seen at evening...»). В перечне поправок в XI томе изменение не упоминается, следовательно, в «Сильмариллионе» - редакторский вариант. Оба варианта, по-моему, примерно равнозначны (хотя у варианта KC5 одно явное преимущество в том смысле, что он авторский!).

Иногда подобная стилистическая правка что-то уточняет либо проясняет. Так, в «Сильмариллионе» мы читаем: «Прощения он <Эарендиль> просил для нолдор и жалости из-за их великих горестей, и также милосердия к людям и эльфам...» («Pardon he asked for the Noldor and pity for their great sorrows, and mercy upon Men and Elves»). Однако в KC5 это место звучит немного иначе: «Прощения он просил для нолдор и жалости из-за их великих горестей, а также милосердия к несчастным людям...» («Pardon he asked for the Noldor and pity for their great sorrows, and mercy upon unhappy Men»). Т.е. слова «к эльфам» добавлены редактором. И, в общем-то, в этом варианте больше логики - и справедливости: в KC5 эльфов Белерианда, синдар и нандор, как бы и нет вообще, а ведь они, хотя не восставали против воли валар и не поклонялись Морготу, страдают-то от него вместе с остальными! И смысл обращения Эарендила к валар в «Сильмариллионе» немножко другой: прощение для нолдор и милосердие ко *всем*.

Но речь, разумеется, не об этом, гораздо больший интерес представляет смысловая правка - там, где она есть.

Иногда такая правка понятна, а местами даже и неизбежна - в тех случаях, когда между текстом KC5 и опубликованием «Сильмариллиона» лежат какие-то новые концепции или факты, или тогда, когда Толкиен при своей (достаточно беглой) правке машинописной копии в 1958 г. что-то не учел, пропустил.

В KC5, к примеру, сказано «Но Эарендиль, единственный из живущих людей, ступил на бессмертные берега» («But Earendel, alone of living Men, landed on the immortal shores»); в «Сильмариллионе» же - «Тогда Эарендиль, *первый* из живущих людей, ступил на бессмертные берега» («Then Eärendil, first of living Men, landed on the immortal shores»). И думается, причина сделанной Кристофером замены в данном случае очевидна: после появления истории Нуменора (которая в

момент написания КС5 только недавно зародилась) Эарендиль действительно перестал быть *единственным* смертным, ступившим на берега Амана, поскольку после него был еще Ар-Фаразон с войском. Собственно, высадившееся на берег Валинора и расположившееся там лагерем войско бегло упоминается уже во второй версии текста «Падение Нуменора», которая датируется как раз 1937 г.

В «Сильмариллионе» на знаменитом совете валар решаются два вопроса: воевать ли с Морготом, и какова должна быть судьба Эарендила. Однако в КС5 это два *разных* совета; причем относительно второго из них говорится, что на него валар «призвали Ульмо из глубин» («they summoned Ulmo from the deeps»). Иными словами, получается, что Ульмо в момент принятия важнейшего решения (начинать ли войну с Морготом) вообще *не присутствовал!* Это Ульмо-то, самый активный среди валар сторонник идеи о необходимости такой войны! Подозреваю, что если бы внимание Толкиена обратили на эту деталь, он бы ее поправил. И вот в опубликованном тексте оба совета объединены.

Одним словом, редактор подходит к тексту очень вдумчиво, и вносимые изменения обычно на что-то опираются. Другое дело, что резоны этого иной раз представляются спорными.

Например, у фразы опубликованного «Сильмариллиона» «В те дни на берегах Западного моря шло великое строительство кораблей...» («In those days there was a great building of ships upon the shores of the Western Sea...») на самом деле есть продолжение - «... и особенно на больших островах, которые, после разрушения северных земель, остались от древнего Белерианда» («and especially upon the great isles which, in the disruption of the northern world, were fashioned of ancient Beleriand»). Эту фразу Толкиен сохранил и при правке машинописного текста в 1958 г., вычеркнув лишь слово «особенно». Кристофер Толкиен не оговаривает исключение этой фразы, однако в одном из своих комментариев замечает, что «острова, в которые превратился Белерианд», не стыкуются с последующей концепцией Нуменора. Однако его отец предложение из текста не удалил, хотя концепция Нуменора к тому времени была разработана вполне подробно! И нельзя сказать, что он не обратил на фразу внимания, раз уж внес туда поправку. Собственно, ни из чего не следует, что таких островов быть не могло - как известно, даже на поздних картах есть острова Тол Фуин и Химлинг; во Вторую эпоху, до гибели Нуменора и связанного с этим значительного изменения очертаний прибрежных земель, подобных островов могло быть больше. Словом, на мой взгляд, это весьма сомнительное сокращение.

Бывает, что в результате редакторской правки в тексте появляются некие новые сущности, которых у Толкиена вообще не было - или, наоборот, исчезает то, что в исходном тексте было. Некоторые, казалось бы, общеизвестные факты и укоренившиеся в фэндоме представления при ближайшем рассмотрении оказываются обязанными своим существованием этой самой редакторской правке.

По крайней мере одна работа на данную тему уже была - доклад Кеменкири, сделанный на Зилантконе в 2005 г., который был посвящен последним, «сложным» (определение самой Кеменкири) главам «Сильмариллиона»: падение Дориата и разорение Гаваней Сириона. В отличие от этого материала, окончание «Сильмариллиона» таким уж «сложным» вроде бы не назовешь: существует достаточно поздний текст, в котором осуществлена достаточно небольшая редакторская правка. Казалось бы, в результате ничего радикально нового в тексте появиться не может.

Но оказывается, даже это может временами привести к любопытным результатам.

В фэндоме достаточно широко распространено представление, что эльфы

(и другие жители) Белерианда в Войне Гнева участия не принимали. Периодически где-нибудь разворачивается очередная дискуссия на эту тему. Между тем никаких оснований для подобного представления в текстах не имеется; это то, что принято называть «фэндомским глюком» - нигде нет четкого утверждения о неучастии эльфов, есть только отсутствие прямого утверждения об участии. Разбирать причины, по которым в фэндоме зародилось такое мнение, я тут не буду, поскольку в сферу моего доклада они явно не входят, но Кристофер Толкиен, как выясняется, этому косвенно поспособствовал!

В «Сильмариллионе» читаем: «Но наконец мощь Валинора явилась с Запада, и вызов труб Эонвэ наполнил небо» («But at the last the might of Valinor came up out of the West, and the challenge of the trumpets of Eönwë filled the sky»). Но в КС5 эта фраза имеет продолжение! Далее сказано «...и он призвал к себе всех эльфов и людей от Хитлума до восточных земель» («and he summoned unto him all Elves and Men from Hithlum unto the East»). Как говорится, почувствуйте разницу. В исходном толкиеновском тексте это самое прямое утверждение об участии белериандских жителей в войне есть (разве что считать, что все призванные от этого призыва, как один, отказались. Но это уж совсем невероятно). В опубликованном тексте - исчезло. Почему? Предполагаю, что это связано с изменением роли Эонвэ в войне, как она виделась Кристоферу - вопрос, о котором далее будет говориться отдельно. Но факт есть факт: не убери Кристофер эту фразу, для подобного фэндомского представления просто не было бы почвы.

Другое укоренившееся фэндомское представление - что приплывшим из Среднеземья эльфам «запрещено» было селиться в Валиноре, они могли жить только на Тол Эрессеа, а в Амане лишь бывать «в гостях». Вот фраза опубликованного «Сильмариллиона», которая и заложила подобное представление: «После возвращения на Запад **эльфы Белерианда** жили на Тол Эрессеа, Одиноким острове, что смотрит и на запад, и на восток; **оттуда они могли плавать даже в Валинор**» («And when they came into the West the Elves of Beleriand dwelt upon Tol Eressëa the Lonely Isle, that looks both west and east; whence they might come even to Valinor»). Однако текст КС5 в этом месте выглядит существенно иначе: «После возвращения на Запад **нолдор по большей части** заново населили Одиноким остров, что смотрит и на запад, и на восток; и эта земля стала прекрасной, и такой остается поныне. **Но некоторые вернулись даже в Валинор, как волен был сделать каждый, кто того желал**» («And when they came into the West the Gnomes for the most part rehabited the Lonely Isle, that looks both West and East; and that land became very fair, and so remains. But some returned even to Valinor, as all were free to do who willed»). Как видим, тут есть прямое утверждение, что изгнанникам можно было вернуться в Валинор.

На самом деле случай здесь существенно более сложный, чем с участием белериандских эльфов в Войне Гнева. Поскольку существует еще и знаменитое письмо Толкиена Милтону Уолдману, написанное, по-видимому, в конце 1951 г., в котором говорится, что «Эльфам-Изгнанникам ... не следовало более постоянно жить в Валиноре, но лишь на Одиноким острове, Эрессеа, в виду Благословенного края» («Exiled Elves ... They were not to dwell permanently in Valinor again, but in the Lonely Isle of Eressea within sight of the Blessed Realm»). Кристофер эти слова, несомненно, учитывал. Более того, можно вспомнить еще слова Галадриэль из текста «Элессар» - точное время его создания, согласно Кристоферу Толкиену, неизвестно, однако, без сомнения, он написан уже после опубликования «Властелина колец»: «Какое зло совершил золотой дом Финарфина, что я должна просить прощения валар или **довольствоваться островом в море, когда моей родной землей был Аман Благословенный?**» Здесь мы имеем четкое утверждение, что Галадриэль по возвращении за Море должна будет жить на Тол Эрессеа, а не в Амане.

Таким образом, чем руководствовался Кристофер, внося эти изменения, понятно, хотя остается вопрос: в какой степени при рассмотрении «внутримировых» текстов можно руководствоваться материалом писем? Этот вопрос уже неоднократно вызывал длительные споры. У меня, скажу откровенно, готового ответа на него нет.

Однако тут есть еще один любопытный нюанс. В письме к Уолдману речь идет только о нолдоре («эльфы-Изгнанники»). И Галадриэль, которой предстоит довольствоваться Одиноким островом - тоже нолдиз (и в КС5 упоминаются именно нолдор, кстати). Таким образом, запрет на поселение в Валиноре, судя по всему, касается только нолдор, когда-то ушедших отсюда со всяческими эксцессами. Однако в «Сильмариллионе» вместо этого - *эльфы Белерианда*. Все - нолдор, синдар, нандор. И вот эту замену признать оправданной уже невозможно, и понять, чем руководствовался Кристофер, меняя текст - тоже. Таким образом, в данном случае Кристофера Толкиена смело можно признать крестным отцом фэндомского глюка о «закрытости» Валинора для приплывающих из Среднеземья эльфов.

Еще в одном случае Кристофер Толкиен, по-видимому, пошел на сокращение в тексте, чтобы отчасти упростить весьма сложный вопрос. Упростить, похоже, не получилось, судя по количеству фэндомских дискуссий на эту тему. (Хотя было бы их меньше, если бы Кристофер этого сокращения НЕ сделал, тоже неизвестно). Речь о судьбе полуэльфов.

Формулировку участи Эарендила, Эльвинг и их детей все хорошо помнят: «Эарендилю, и Эльвинг, и их сыновьям будет каждому дано право свободно выбирать, с судьбой какого народа соединятся их судьбы, и к какому народу они будут причислены» («to Eärendil and to Elwing, and to their sons, shall be given leave each to choose freely to which kindred their fates shall be joined, and under which kindred they shall be judged»). Однако в КС5 этому предшествуют следующие слова Мандоса: «Все же, в ком есть кровь Смертных, какова бы ни была ее доля, велика или мала - смертные, если только иной судьбы не будет даровано им; но в этом деле мне дано право решать» («Now all those who have the blood of mortal Men, in whatever part, great or small, are mortal, unless other doom be granted to them; but in this matter the power of doom is given to me»). Это абсолютно четкая формулировка «смертности», подходящая ко всем полуэльфам (начиная с Дниора, который, как совершенно резонно указывает в комментариях Кристофер, по этой концепции является смертным независимо от выбора, сделанного Лутизн. И ранний брак Эарендила и Эльвинг сюда укладывается, и судьбу детей Имразора и Митреллас это объясняет). В варианте текста, приведенном в XI томе «Истории Среднеземья», эта фраза сохраняется тоже. Следовательно, она опущена Кристофером.

В свете этой формулировки более понятным становится вопрос с потомками Элронда, вызывающий массу споров. Элронду и Элросу было дано право выбора, и Элронд выбрал участь эльфов. Но примесь людской крови-то у него осталась, и значит, дети ее тоже получили - т.е. они по умолчанию смертные, хотя при этом и дети двух эльфов. Создается некое противоречие; видимо, поэтому детям Элронда, которым дарована «жизнь эльфов» (как говорит Арагорну в Имладрисе Арвен), оставлено право выбрать смертную участь (или обязанность подтвердить свой выбор эльфийской участи, если трактовать это несколько иначе). Впрочем, окончательного разрешения этот вопрос так и не получил, поскольку четкой формулировки, подобной той, что в КС5, касающейся детей Элронда, Толкиен не оставил... Однако правка Кристофера, по-моему, запутала ситуацию еще больше и породила массу дискуссий о судьбе и статусе потомков Лутизн и потомков Эарендила.

В случае детей Элроса, заметим, вопрос уже не возникает, так как они в любом случае смертные, по всем параметрам.

Любопытен вопрос: можно ли интерпретировать идею смертности всех, в ком есть хоть капля смертной крови, как «превосходство» Дара Эру над участью эльфов (Дара, которому, согласно «Сильмариллиону», однажды позавидуют сами валар)?

Попутно замечу, что известная фраза Манвэ «Но в этом деле мне дано право решать», которая в «Сильмариллионе» носит достаточно «общий» характер и вроде бы относится ко всей проблеме «Что делать с нарушителями запрета ступить на берега Амана», на самом деле относится лишь к перемене смертной участи. И это правильно и логично: опасность наказания за нарушение запрета Манвэ отводит от Эарендила и Эльвинг сам, своей волей - все-таки он Король Арды (тем более, что этот запрет, по крайней мере в отношении нолдоре, от него же и идет!) - но в вопросе,

касающемся изменения судьбы Детей Эру, тема которых введена была в Музыку Айнуру самим Эру, власть позволить такое изменение и дается ему лишь свыше, от Эру.

Кстати, о Манвэ и других валар. В нескольких случаях Кристофер вносит в текст любопытные изменения, похоже, призванные слегка изменить характер Владык Запада. Так, перед тем как высадиться на берега Валинора, Эарендиль говорит спутникам: «Сюда не ступит никто, кроме меня, дабы гнев валар не пал на вас» («Here none but myself shall set foot, lest you fall under the wrath of the Valar»). В КС5 же за этим далее следует «...и смерть не настигла бы вас; ибо это <появление в Валиноре> запрещено». («...and the doom of death; for it is forbidden»). Таким образом, мотив грозящей прибывшим (со стороны валар) опасности в КС выражен четче, а главное, конкретнее, чем в опубликованном тексте. Сходная ситуация чуть далее по тексту - когда Эльвинг, не согласившись с намерением Эарендиля идти в Валмар одному, сошла с корабля и подбегала к мужу, он опечалился, «ибо боялся гнева Владык Запада на всякого из Среднеземья, что осмелится миновать рубеж Амана»; это в опубликованном «Сильмариллионе», а в КС5 совсем иначе: «ибо думал он, что теперь они оба умрут, не пройдет и немногих дней». В опубликованном тексте смысл явно смягчен: недвусмысленное «оба они умрут» заменено на уклончивый «гнев Владык Запада». Таким образом, обе правки нацелены на то, чтобы ослабить впечатление суровости валар. Правда, можно возразить, что суровости лишь в представлении Эарендиля...

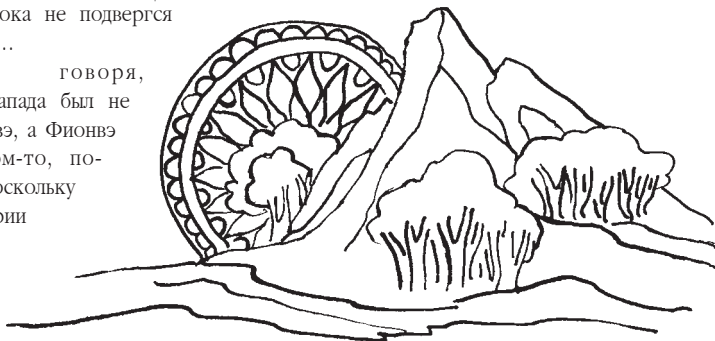
Но вот знаменитая фраза Мандоса: «Ступит ли Смертный на бессмертные земли и останется при этом жить?» Фраза знаменитая, но... похоже, не толкиеновская! Потому что в КС5 Мандос говорит не это. А говорит он следующее: «Теперь же он безусловно умрет, ибо ступил на запретные берега». Примечательно, что Мандос в КС5 не спрашивает, как в «Сильмариллионе» (пусть даже в «Сильмариллионе» вопрос явно носит риторический оттенок) - нет, он утверждает. Причем, что делает ситуацию особенно резкой: он начинает с этого утверждения совет, специально посвященный судьбе Эарендиля - при этом *после* того, как услышана и по сути удовлетворена просьба о помощи. Одним словом, у толкиеновского Эарендиля, кажется, действительно *были* основания опасаться...

Замечу, кстати, что и мотивировку в словах Мандоса Кристофер Толкиен изменил: в КС5 Эарендиль должен умереть, поскольку нарушил запрет; в «Сильмариллионе» - потому что он смертный, попавший в бессмертный край (почти наверняка формулировка Кристофера связана с одним из текстов «Преображенных мифов», в котором говорится о запрете для людей «прижизненно» попадать в Аман).

И еще один любопытный пример, может быть даже, самый любопытный - поскольку правка не разовая, а системная. Связана она с ролью Эонвэ как предводителя войска Запада в Войне Гнева.

То есть это мы считаем Эонвэ предводителем. Между тем, в тексте «Сильмариллиона» подобного *нет*. Каждый, кто прочтет главу «О плавании Эарендиля и Войне Гнева», легко в этом убедится! Тем не менее, предводителем войска Эонвэ в текстах *был*. Пока не подвергся редакторской обработке...

Собственно говоря, предводителем войска Запада был не майа Эонвэ, герольд Манвэ, а Фионвэ сын Манвэ - и в этом-то, по-видимому, вся штука. Поскольку в комментариях к «Истории Акалпает» в XII томе «Истории Среднеземья» Кристофер пишет: редактируя последнюю

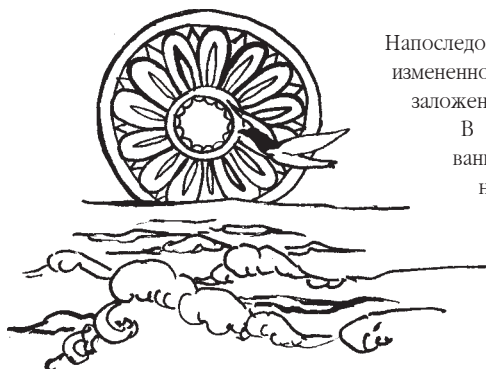
главу «Сильмариллиона», он действовал в предположении, что после того как его отец (в послевоенной переработке КС5) отверг идею Детей Валар, и таким образом Эонвэ, бывший Фионвэ, перестал быть сыном Манвэ - столь видная роль, как предводитель всего войска Валинора, не могла бы остаться за ним.

И в результате Эонвэ подвергся целому ряду редакторских репрессий. Вычеркнуто идущее в КС5 после слов «Но войско валар изготовилось для битвы» продолжение «и предводителем их был Фионвэ сын Манвэ». Слова «войско Фионвэ» неоднократно заменяются на уклончивое «мощь Валинора». Когда Моргот выпустил в битву свой последний резерв, драконов, натиск их был так силен, что Фионвэ отступил - но в «Сильмариллионе» отступает «войско валар». И в подземелья Ангбанда после победы спустилось, разумеется, оно, а не войско Фионвэ... Кстати говоря, в результате всей этой правки единого командира у валинорского войска в «Сильмариллионе» вроде как и нет, - только про нолдор говорится, что ими командовал Финарфин - между тем как в КС5 четко сказано, что под стягом Эонвэ/Фионвэ шли ваньяр и нолдор.

Кстати, о стяге. У ваньяр, как известно, были белые знамена - «...и под их белыми знаменами шли ваньяр, народ Ингвэ...» («and beneath their white banners marched the Vanyar, the people of Ingwë»). Так вот, заглянув в КС5, мы неожиданно обнаруживаем, что этих хорошо известных всем знамен - *не существует*. Т.е. знамена-то есть, но принадлежат они не ваньяр. А Эонвэ. А ваньяр их подарил Кристофер. «Под его <Фионвэ/Эонвэ> белым стягом шли также линдар <ваньяр>, народ Ингвэ...» («Beneath his white banner marched also the Lindar the people of Ingwe»). И еще раз ниже, там, где в «Сильмариллионе» сказано: «И ваньяр вернулись под своими белыми знаменами» («And the Vanyar returned beneath their white banners»), в КС5 на самом деле говорится лишь: «Но линдар вернулись назад под знаменами своего короля» («But the Lindar marched back beneath the banners of their king»). А в результате «белые знамена ваньяр», которые на самом деле принадлежат не ваньяр, а Эонвэ, прочно закрепились в фэндомском сознании...

Почему же все-таки в фэндоме распространена уверенность, что Эонвэ вождем войска Запада *был*? Во-первых, несмотря на все редакторские замены, в тексте все равно сохранилась аура **значимости** Эонвэ. А во-вторых... во-вторых, он назван «вождем войска Запада» в указателе к «Сильмариллиону». Вот лично для меня самым загадочным является именно этот момент: убрав из самого текста абсолютно все указания на главенство Эонвэ - причем аргументированно, из идеологических, можно сказать, соображений - Кристофер после этого заявляет от этом самом главенстве в указателе...

В своих комментариях Кристофер признается, что теперь (т.е. на момент написания комментария) он полагает, что столь радикальное снижение роли Эонвэ в Войне Гнева является ошибкой с его стороны. Мне кажется, сомнения посещали его и раньше, отсюда и некая непоследовательность в изображении Эонвэ.

Напоследок - два примера того, как одно лишь слово, измененное при редактуре текста, может заметно изменить заложенный в этот текст смысл.

В «Сильмариллионе» говорится: «...и они <речь о ваньяр> знали, что эти камни <Сильмариллы> не будут найдены и собраны вместе вновь, если только мир не будет разрушен и воссоздан заново» («and they knew that those jewels could not be found or brought together again unless the world be broken and remade»). В КС5 эта фраза звучит почти так же. Почти.

«...и они знали, что эти камни не будут найдены и собраны вместе вновь, **до тех пор** пока мир не будет разрушен и воссоздан вновь» («and they knew that those jewels could not be found or brought together again until the world was broken, and re-made anew»).

Т.е., фактически, в КС5 прямо утверждается, что мир однажды будет пересотворен заново, - та самая Арда Исцеленная, на которую надеется Финрод в «Атрабет Финрод ах Андрет!» - а в опубликованном тексте он, *быть может*, будет пересотворен - условная конструкция.

Всего одно слово - но подспудно оно, согласитесь, многое меняет.

Другой пример. В самом конце опубликованного «Сильмариллиона» говорится: ложь, которую Моргот посеял в сердцах эльфов и людей - «семя, которое не умирает и не может быть уничтожено» («a seed that does not die and cannot be destroyed»). Но в КС5 в этой фразе есть еще одно слово, убранное при редакции Кристофером Толкиеном, и полностью она звучит так: «семя, которое не умирает и не может быть уничтожено **Богам**» («a seed that doth not die and cannot by the Gods be destroyed»). В поздних своих текстах Толкиен избегал называть валар - богами, и тщательно убирал из новых редакций старых текстов подобные наименования. Здесь он его, по-видимому, не заметил. Кристофер убрал это слово - но в результате фраза, в которой исходно почти наверняка имелось в виду, что валар не в состоянии полностью искоренить посеянное Морготом зло, однако Эру может это сделать, стала нести примерно такой смысл, что зло вообще вечно и неустранимо. Наверняка этого Толкиен в данную фразу не вкладывал.

Подводя итог, скажу вещь очевидную и даже банальную, но несмотря на это, ничуть не теряющую своей значимости: читать черновики Толкиена полезно уже для того, чтобы знать, из чего выросли те или иные куски опубликованного «Сильмариллиона» (ну, а многим из нас это чтение, помимо того, попросту доставляет удовольствие - автору доклада в том числе!). И сегодня еще существует мнение, что «Сильмариллион» - это единый и самый достоверный текст, та основная версия, на которую и следует опираться, а все остальное является лишь необязательным приложением к ней. Увы, это не совсем так, что мы уже показывали и в предыдущих докладах на эту тему. (При этом специально хочу оговориться, что это не является упреком по адресу Кристофера Толкиена, проделавшего громадную и адски трудную работу по изданию «Сильмариллиона». Это всего лишь констатация факта).

И еще одно замечу, тоже очевидное до банальности - насколько весомым может быть слово! Даже самая небольшая редакторская правка (всего лишь одно-два слова) может привести к немалым последствиям и чревата изменением или утратой заложенного автором смысла.

Поэтому черновики Толкиена, опубликованные в серии «История Среднеземья», даже, казалось бы, текстуально очень близкие опубликованному «Сильмариллиону», по-прежнему достойны самого пристального изучения и иногда могут преподнести неожиданные сюрпризы.

СЕРГЕЙ БЕЛЯКОВ

Всадники Апокалипсиса versus Воинство Валар

Как известно, тексты Толкина, входящие в ардический цикл (легендарium), содержат многочисленные переклички и параллели со средневековыми эпическими произведениями и древними мифологиями: “Калевала”, “Беовульф”, “Старшая Эдда”, кельтские сказания. Это не удивительно: перечисленные эпосы и многие другие древние литературные памятники были объектом профессионального интереса Толкина. В них он черпал идеи и сюжеты для своих произведений. Они были источником его вдохновения. Не меньше аллюзий и прямых цитат было Толкином взято из Библии. Один из самых ярких и показательных примеров - “преображение” Гэндальфа в Фангорне. Он имеет настолько потрясающее сходство с евангельским сюжетом преображения Христа на горе Фавор, что на него обращали внимание многие исследователи творчества Толкина /1/.

Но в “Книге утраченных сказаний - 1” есть один малозначимый в своих подробностях для повествования фрагмент, который, насколько известно, никто не исследовал на предмет сопоставления с библейским текстом. А сопоставить есть что.

Фрагмент относится к главе “Оковы Мелько” и описывает поход Валар на север Великих Земель для пленения Мелько. Впоследствии этот красочный рассказ был сокращен, а все детали упущены.

Вот этот фрагмент:

“Когда же боги и весь их народ вооружились, Манвэ поднялся на свою лазурную колесницу, которую влекли три белейших коня из владений Оромэ, и в руке он сжимал белый лук, чьи стрелы подобны порывам ветра над бескрайними морями. Фионвэ, его сын, стоял позади него, и Норнорэ, его глашатай, бежал впереди. Но Оромэ ехал один на гнедом коне, держа копьё, а Тулкас широко шагал возле его стремени, облаченный в кожаную тунику и опоясанный бронзой; оружия при нем не было, не считая окованной железом латной рукавицы на правой руке. Телимектар, сын Тулкаса, что лишь недавно возрос, следовал за отцом с длинным мечом на серебряном поясе. Затем на черной колеснице ехали Фантури, и со стороны Мандоса был запряжен черный конь, а со стороны Лориэна - серый в яблоках, вслед же за ними поспешали Салмар и Омар. Аулэ, что до последнего медлил в своей кузне, шел позади без оружия, неся лишь захваченный из кузницы молот с длинной рукоятью и торопясь к берегам Тенистого Моря, а за ним четверо его подмастерьев несли цепь” /2/.

А теперь вспомним шестую главу книги “Откровения” Иоанна Богослова (гл. 6, ст. 1-8):

“И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он [как] победоносный, и чтобы победить. И когда он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри. И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч. И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное,

говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей. И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс пшеницы за динарий, и три хиникса ячменя за динарий; еля же и вина не повреждай. И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли - умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными”.

Близость обоих текстов и сходство в деталях поразительны.

Мы видим разноцветных коней, на которых восседают Валаар или которые запряжены в колесницы. Такие же цветные кони встречаются в новозаветном тексте. Разное количество коней не должно смущать. В параллельном “Откровении”, по мнению многих богословов и библистов, тексте книги пророка Захарии (6:1-7) сообщается, что в небесные колесницы были запряжены по несколько цветных коней.

Выделим основные черты персонажей фрагмента “Оков Мелько” и шестой главы “Откровения” и сопоставим их, представив для удобства в виде таблицы /3/.

“Оковы Мелько”	“Откровение”
Манвэ правит трема белейшими конями (<i>whitest</i>). У Манвэ в руках лук, он владыка Валаар и будущий победитель Мелько.	Первый всадник скачет на белом коне (<i>white, λευκός, albus</i>). У него лук и венец - знак власти и триумфа. Он будущий победоносец.
Оромэ едет на гнедом коне (<i>chestnut</i> - каштановый). Гнедой, каштановый окрас бывает разным: от красно-коричневого до желтоватого. Оромэ - Вала охоты, по сути - убийства. Рядом шагает рыжебородый и краснокожий Тулкас, Вала сражений и войны, с бронзовым (<i>brazen</i> - медным) поясом. Как видим, цветовая гамма здесь - красно-рыже-коричневая (бронза-медь, кожа, борода, масть коня). Следом за Тулкасом идет Телмектар с длинным мечом. Телмектар олицетворяет созвездие Ориона с характерной красной звездой Бетельгейзе.	Второй всадник скачет на рыжем, огненно-красном коне (<i>red, πυρρός, rufus</i>), он несет войну и человекоубийство. В его руке большой меч.
Конь Мандоса - черный (<i>black</i>). Сам Мандос является Валою смерти.	Третий всадник скачет на вороном, черном коне (<i>black, μέλας, niger</i>). В его руках мера - балансные весы. Весы являются не только символом торговли, как в данном случае, но и суда, в том числе и посмертного.
Конь Лоризна - серый в яблоках, пятнистый, пегий (<i>dappled grey</i>). Позади всех идет Аулэ - Вала-кузнец. Его сопровождают четыре подмастерья.	Четвертый всадник скачет на бледном коне (<i>pale, χλωρός, pallidus</i>). В книге Захарии этому коню соответствуют кони пегие (<i>bay /4/, ποικίλοι, varii, béruddim</i>). В переводе Танаха (книга Зехарии) Давида Йосифона кони названы “пятнистыми, серыми”, что буквально совпадает с английским оригиналом текста Толкина: <i>dappled grey</i> . Имя всадника - “смерть”. Здесь небольшое несоответствие. Имя “смерть” больше подходит Мандосу, нежели Лоризну, Вале сна, но мы и не должны ожидать дословного совпадения двух анализируемых текстов. За всадником следует ад (дословно <i>αἰδης, hades</i> - подземный мир). Кузнец же во многих европейских мифах и текстах Толкина (например, темный эльф Эол, тномы кузнецы, кузнец из Большого Вуттона и др.) связывается с колдовским потусторонним миром, подземным царством, чем-то чуждым, страшным, что с христианской точки зрения несомненно должно ассоциироваться с адом. К тому же сам Аулэ является Валою подземного мира, подземных сокровищ и тайного знания. Сопровождающий Лоризна Салмар - младший Вала, помощник Вала вод и морей Улмо, а море, как известно, часто ассоциируется с адом, буйством стихии, несущей смерть. Всаднику дана власть над четвертой частью земли. Заметим, что здесь даже числовая деталь совпадает. Правда, у Толкина это целое число, а у Иоанна дробное. Однако в Вульгате, латинском переводе “Откровения”, которым пользуются католики, говорится о четырех странах света (<i>super quattuor partes terrae</i>), т.е. о целом числе.

Мы видим, что порядок разномастных, цветных коней и атрибуты Валар практически совпадают с порядком и атрибутами всадников в книге Иоанна, за малым исключением: Мандос является Валой смерти, но не торговли и голода, а Лориэн - Валой сна, но не смерти. И все же это не принципиально. Как говорилось выше, не стоит ждать буквального, дословного совпадения двух текстов. Толкину было достаточно намеков, вкраплений. А дальше уже читатель пусть сам догадывается о заимствованиях образов и символов из Библии.

Мы не станем отвечать на вопросы: “Зачем Толкин внедрил образы Откровения в текст утраченных сказаний?” и “Ассоциируются ли в таком случае всадники Апокалипсиса с Валар?”. Все попытки ответить на них уведут нас далеко в область чистых спекуляций и измышлений /5/. Скорее всего, какого-то глубокого смысла во внедрении образов и символов Апокалипсиса нет. Толкин играл с сюжетами, образами, идеями. Вероятно, эта ассоциация и заимствования носят игровой, легкомысленный характер. Толкину показался удачным для внедрения сам сюжет похода Валар. Почему бы не ввести в него апокалиптические нотки? Но это лишь догадки.

Однако это заставляет внимательней относиться к текстам Толкина, к второстепенным деталям. Вдруг еще чего-нибудь найдем?

Примечания

1. См. напр.: П. Парфентьев “Эхо Благой Вести: Христианские мотивы в творчестве Дж.Р.Р. Толкина”. М., ТТТ. 2004. С. 313.
2. Цит. по: Дж.Р.Р. Толкин “История Средиземья. Том 1. Книга утраченных сказаний. Часть 1”. Под ред. К.Р. Толкина. М., ТТТ. 2000. С. 101. Пер. главы С. Таскаевой с изменениями в пер. имен собственных по правилам группы Elsewhere.
3. Курсивом в таблице приведены английские оригиналы, а также слова из английского перевода Библии короля Якова, греческого текста Нового Завета, латинской Вульгаты и иудейского Танаха (в латинской транскрипции).
4. В Библии короля Якова неверный перевод: *bay* - гнедые.
5. К примеру, можно было бы истолковать образы с точки зрения так называемой астралистики, то есть как олицетворения небесных светил (планет и созвездий), благо в тексте самой главы есть предпосылки к этому - образ Телимектара-Ориона, а всадников и коней из шестой главы с небесными светилами отождествляли многие исследователи (Иеремиас, Ренан, Морозов и т.д.). Но мы этого делать не будем, дабы в ответ некоторые ретивые критики не привели известный памфлет о Наполеоне-Солнце.

Приложение

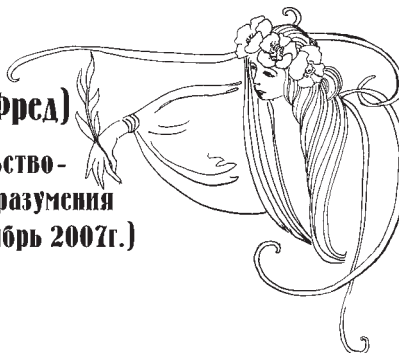
Английские тексты главы “Оковы Мелько” и шестой главы “Откровения” (паралельные места подчеркнуты).

The Chaining of Melko	Revelation 6:1-8
<i>But when the great Gods and all their folk were armed, then <u>Manwë</u> climbed into his blue chariot whose <u>three horses were the whitest</u> that roamed in Oromë's domain, and his hand bore a great white <u>bow</u> that would shoot an arrow like a gust of wind across the widest seas. Fionwë his son stood behind him and Nornorë who was his <u>herald</u> ran before; but <u>Oromë</u> rode alone upon a <u>chestnut horse</u> and had a spear, and <u>Tulkas</u> strode mightily beside his stirrup, having a tunic of hide and a <u>brazen</u> belt and no weapon save a gauntlet upon his right hand, iron-bound. <u>Telimektar</u> his son but just war-high was by his shoulder with a <u>long sword</u> girt about his waist by a silver girdle. There rode the Fánturi upon a car of black, and there was a <u>black horse</u> upon the side of <u>Mandos</u> and a <u>dappled grey</u> upon the side of <u>Lórien</u>, and <u>Salmar</u> and <u>Omar</u> came behind running speedily, but <u>Aulë</u> who was late tarrying overlong at his smithy <u>came last</u>, and he was not armed, but caught up his long-handled hammer as he left his forge and fared hastily to the borders of the Shadowy Sea, and the fathoms of his chain were borne behind by <u>four</u> of his smithy-folk.</i>	<i>And I saw when the Lamb opened one of the seals, and I heard, as it were the noise of thunder, one of the four beasts saying, Come and see. And I saw, and behold a <u>white horse</u>; and he that sat on him had a <u>bow</u>; and a <u>crown</u> was given unto him: and he went <u>forth conquering, and to conquer</u>. And when he had opened the second seal, I heard the second beast say, Come and see. And there went out another <u>horse that was red</u>; and power was given to him that sat thereon to take peace from the earth, and that they should <u>kill one another</u>; and there was given unto him a <u>great sword</u>. And when he had opened the third seal, I heard the third beast say, Come and see. And I beheld, and lo a <u>black horse</u>; and he that sat on him had a <u>pair of balances</u> in his hand. And I heard a voice in the midst of the four beasts say, A measure of wheat for a penny, and three measures of barley for a penny; and see thou hurt not the oil and the wine. And when he had opened the fourth seal, I heard the voice of the fourth beast say, Come and see. And I looked, and behold a <u>pale horse</u>; and his name that sat on him was <u>Death</u>, and <u>Hell</u> followed with him. And power was given unto them over the <u>fourth part</u> of the earth, to kill with sword, and with hunger, and with death, and with the beasts of the earth.</i>

Мария Лифанова (Фред)
Эльфийское целительство -
источники, методы, недоразумения
(доклад на Зилантконе, ноябрь 2007г.)

В данном докладе я не столько собираюсь строить какие-либо предположения, но скорее хочу обозначить проблему отыгрыша эльфийского целительства и собственно проблему отделения действительно упомянутых в текстах Толкиена положений от неких «общеизвестных фактов», тем не менее, не имеющих текстовых подтверждений.

На большинстве игр неизбежно отыгрывается целительство - и так как людской вариант этого искусства можно хоть как-то реконструировать, исходя из сведений по истории медицины, то основная проблема заключается в отыгрыше именно эльфийского целительства, точнее - в соответствии методов и способов одного миру Арды. Сведения о том, что и как могли исцелять эльфы, в текстах Профессора есть, однако они не систематизированы, а кроме того, разбросаны по многим отдельным произведениям. Возможно, и в этом тоже кроется причина того, что на играх в основном применяются именно «общие положения», что-то, что «и так все знают». Например, «все знают», что эльфы исцеляют силой *фэа* и наложением рук, что стоит эльфу-целителю взять в руки меч, как у него сразу же пропадает целительский дар, что любой эльфийский лорд - по умолчанию целитель и может призвать *фэа* своего верного чуть ли не с порога Мандоса и что едва ли не любой эльфийский целитель способен передавать раненому свои или какие-то еще жизненные силы. Некоторые из вышеперечисленных методов находят подтверждение в текстах, некоторые же вовсе никак не подтверждаются или являются чем-то вроде слишком широко трактованного допущения.

Вкратце надо коснуться собственно источников, то есть текстов, содержащих упоминания случаев целительства или неких общих законов, касающихся этого искусства. Большинство данных упоминаний, к сожалению, изложены «россыпью»: похоже, единой теории эльфийского целительства Толкиен так и не выработал. Впрочем, может быть, что и не собирался, т.к. медицина не была его специальностью. Основная часть упоминаний относится к *ВК*. Связаны эти отрывки по большей части с деятельностью Арагорна и Элронда (однако на примере именно этих персонажей выводить какие-то общие закономерности несколько проблематично - о чем см. ниже); кроме того, есть упоминания об исцелениях, совершаемых Люттиэн (как в «*Сильмарилионе*», так и в поэтической «*Лэ о Лэйтиан*»), упомянуты также Белег и Маблунг (в тексте «*Нарн и Хин Хурин*» и сопутствующих текстах); наконец есть наиболее систематизированный текст, касающийся целительства и целителей-эльфов - хорошо известный отрывок из «*Законов и обычаев эльдар*». С этого текста имеет смысл начать более детальное выяснение закономерностей и методов исцеления, описанных Профессором.

*

«*Законы и Обычаи Эльдар*» - наиболее полный и теоретический текст. Вот что говорится в нем касательно целительства и целителей:

К примеру, искусством исцеления и всем, что касается забот о теле, у всех эльдар занимают по большей части нисси, в то время как мужчины-эльфы берутся за оружие в случае нужды. И эльдар полагают, что причинение смерти, даже когда оно законно или необходимо, уменьшает целительную силу, и что преимущество нисси в этих делах происходит скорее от того, что они не принимают участия в охоте или войне, чем благодаря какой-либо особой способности, связанной с их женской сущностью (...) С другой стороны, многие мужчины-эльфы были великими целителями, искушенными во всем, что касается живого, и они не ходили на охоту и на войну, пока крайняя необходимость не принуждала их к этому.

(...) в те начальные времена смерть наступала более часто, ибо их тела были тогда менее отличны от тел людей, и власть их душ над их телами была менее совершенной.

Тем не менее, эта власть всегда была больше, чем та, которой когда-либо владели люди. С самого начала главное различие между эльфами и людьми было в судьбе и природе их душ. Феар эльфов суждено было обитать в Арде, пока та существует, и смерть плоти не отменяет этого предназначения. Потому их феар крепко держались за жизнь «в одеянии Арды», и далеко превосходили души людей во власти над этим «одеянием», с самых первых дней защищая их тела от множества несчастий и угроз (таких, как болезни), и быстро исцеляя их от ран, так что они оправлялись от ранений, которые могли оказаться смертельными для людей.

С течением веков преобладание феар эльфов все росло, «сжигая» их тела (как было уже отмечено). Итог этого - их «иставание», как люди это называют, ибо тела эльфов становятся, в конце концов, не более чем памятью, хранимой феа, и этот конец уже наступил во многих местах Средиземья, так что эльфы воистину бессмертны, и их нельзя уничтожить или изменить. Однако чем дальше мы углубляемся в историю, тем чаще мы читаем о смерти эльфов древности, и в те дни, когда дух Эльдалинэ был юн и еще не совсем пробудился, смерть для них казалась мало отличимой от смерти людей.

Из цитаты видно, что феар эльфов доминируют над хроар, в результате чего эльфы защищены от болезней и быстро исцеляются от ран. Кроме того, целительством среди эльфов занимаются женщины - не столько в силу особенностей «женской природы», сколько из-за неучастия в войнах и/или охоте. Исходя из вышесказанного, мы попробуем классифицировать собственно описания целителей и их методов.

Итак, по корпусу текстов можно выделить следующие группы:

- 1- полное соответствие положениям, изложенным в «Законах и обычаях»
- 2- кажущееся несоответствие
- 3- необъяснимый случай
- 4- сложный случай

Далее рассмотрим каждую из групп подробнее - с учетом личностей и их целительских методов.

В первом случае наиболее наглядный (если не вовсе единственный) пример - Лютиэн. Сразу замечу, что ее можно отнести и к пункту 4, как сложный случай - полумайэ. Но пока следует начать с наиболее характерного эпизода. Ниже - цитата из поэтической «Лэ о Лейтиан»:

XVIIb Healing Beren of arrow-wound

Тогда она, плача, опустилась рядом
С Береном, и старалась остановить
Текущую кровь, что быстро струилась из раны.
Она отбросила одежду с его груди,
Выдернула из плеча острую стрелу,
Дочиста омыла его рану слезами.
Затем пришел Хуан и принес лист, -
Главный среди всех исцеляющих трав,
Что растет, вечнозеленая, на лесных полянах,
С длинным и сероватым листом.
Хуан знал силу всех трав,
Поскольку много путей прошел по лесу.
Тогда он [= лист] быстро успокоил боль
Покуда Лютиэн напевала в сумерках, -
Песню, останавливающую кровь, которую эльфийские жены
Пели долгие годы этой печальной жизни
Среди войн и оружия, она сплетала над ним.

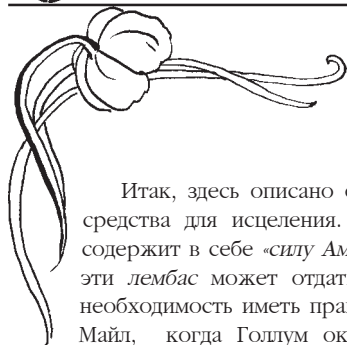
Здесь сразу видно, что Лютиэн использует несколько методов разом: это и «целебный лист» (в примечаниях Кристофера Толкиена помечен как *ацелас*), и «песня, останавливающая кровь». Причем лист используется как болеутоляющее средство, а кровь останавливает именно песня, причем та, что «эльфийские жены пели долгие годы этой печальной жизни среди войн и оружия». То есть, кровоостанавливающая песня является обычным методом целительства, который используют «эльфийские жены» в тот тяжелый для жизни период - среди войн и оружия. Можно предположить, почему именно песня используется для остановки кровотечения - однако это будет именно предположение, никак не подтверждаемое текстами, но выводимое из них более-менее логично. Поэтому предположу, что определенный частотный рисунок мелодии вызывал замедление сердечного ритма, снижение скорости кровотока и, возможно, ускорение тромбообразования в поврежденных сосудах. Но, повторяю, это только предположение. Однако описание метода, причем достаточно подробное, у нас есть.

Что еще упоминается по корпусу текстов в качестве обычных целительских средств и методик, кроме вышеописанных песен и целебных трав? В первую очередь это лембас, применяемый в качестве лечебного средства.

Пищу сию лишь эльдар умели приготовить. Была она создана для удобства тех, кто имеет нужду отправляться в долгий путь по диким местам, или же для раненых, чья жизнь в опасности.

Так, зерно сие имело в себе силу жизни Амана, кою могло отдать тем, что имели нужду и право вкушать хлеб. Будучи посеяно в любое время года, кроме лишь морозной зимы, вскоре проросло оно и росло быстро, хоть и не разрасталось в тени растений Средиземья

и не вынесло бы ветров, веявших с севера, откуда Моргот обитал там. В остальном же нуждалось оно лишь в малой толике солнечного света, чтобы созреть; ибо поднималось быстро и умножалось силой любого света, падавшего на него («История Средиземья», том 12, «О лембасе»)

Итак, здесь описано одно из свойств лембаса, важных при использовании этого средства для исцеления. А именно - зерно, из которого приготавливают лембас, содержит в себе «силу Амана» и «силу любого света, падавшего на него (зерно)». Силы эти лембас может отдать тем, кто нуждается и в праве «вкушать хлеб». (Кстати, необходимость иметь право на лембас хорошо видна в ВК в эпизоде в болотах Эмин Майл, когда Голлум оказывается не в состоянии проглотить кусок «эльфийской лепешки»).

Кроме этого в текстах упомянуты:

- целебные мази (1)
- целительные воды (1);
- целительные свойства камней и колец, описанные на примере Элессара и кольца Нэнъя (1),
- а также исцеляющая сила отдыха, который дарует валиэ Эсте (см. прим.1)

Кроме того, довольно много сказано о самоисцелении эльфов.

В «Законах и обычаях эльдар» - цитату см. выше;

«...их собственные [эльфийские] феар, созданные, чтобы оставаться в Арде до конца, сообщали долговечность их телам: они по опыту знали, что гораздо лучше, чем люди, владеют своим телом» (Прим. авт. V).

Поэтому они могли совершать более длительные и тяжелые физические усилия (подчиняясь порыву воли) и не испытывать при этом усталости; они не были подвержены болезням; они быстро исцелялись от ран, которые для человека оказались бы смертельны, и могли подолгу выносить сильную физическую боль. Однако от повреждения жизненно важных органов или от слишком тяжелых травм их тела все-таки погибали; кроме того, они не могли восстановить утраченные части тела (отрубленную руку, к примеру). С другой стороны, эльфы могли умереть - и умирали - по своей воле: например, от сильного горя или тяжелой утраты или разочарования в своих целях и стремлениях. Такая добровольная смерть не считалась преступлением, но все же это был проступок и, возможно, следствие какого-то изъяна или порока в феа, и тем, кто приходил к Мандосу таким путем, могли и не разрешить воплотиться снова. («Атрабет», авторский комментарий)

*

С учетом вышесказанного можно перейти к рассмотрению случаев кажущихся несоответствий положениям «Законов и обычаев эльдар» и необъяснимым случаям. В качестве несоответствия именно кажущегося в корпусе текстов упомянут Маблунг - воин Дориата, также упоминаемый как целитель: «вести о твоих делах не дошли бы сюда, если бы Халдир и Хундар не ушли на Нирнаэт. Там они пали, но [семеро >] трое из их отряда вернулись, ибо Маблунг Дориатский спас их и излечил их раны» («История Средиземья», т. 11, «Скитания Хурина»)

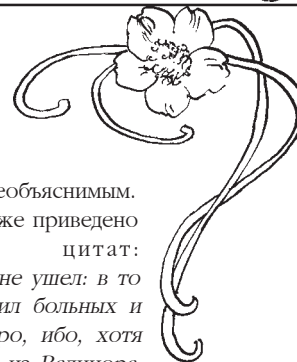
Согласно положениям «Законов и обычаев», Маблунг - воин, посему целителем быть не может, т.к. воинское искусство - основное его занятие. Но можно предположить, что в

данном случае речь идет только о «продвинутой» первой помощи, которую, наверняка, мог оказать едва ли не любой эльфийский воин или охотник, используя свои знания о живых организмах. Исходя из этого предположения, я отношу случай Маблунга к кажущимся несоответствиям.

Но второй дориатский воин относится скорее к случаям необъяснимым. Это Белег Куталион, многократно упомянутый как целитель. Ниже приведено несколько

цитат:

«Белег, уступив своей любви вопреки разуму, остался с ним и не ушел: в то время много сделал он для блага Туриновой шайки. Он лечил больных и раненых и давал им лембасы Мелиан, и они излечились скоро, ибо, хотя Сумеречные Эльфы и уступали в мастерстве и знании Изгоям из Валинора, в Средиземье их мудрость была для людей недостижима (in the ways of the life of Middle-earth they had a wisdom beyond the reach of Men)» («Сильмариллион», «О Турине Турамбаре»).

Тяжелы были раны Белега, но был он могуч меж эльфов Средиземья, и к тому же искусный целитель (and he was moreover a master of healing). Потому он не умер, и силы медленно возвращались к нему... («Сильмариллион», «О Турине Турамбаре»)

[после прихода в шайку] Утром Белег, быстро исцелившись от своих ран, как было свойственно эльфам древности, поговорил с Туринном наедине. («Нарн и Хин Хурин»)

Тогда пришло в сердце Белега, эльфийского охотника, искать Турина так скоро, как исцелятся его раны. Это произошло за немного дней, поскольку он умел исцелять... («Турамбар и Фоалоке», «Книга Утраченных сказаний», т. 2)

Несколько раз упоминающееся «целительское мастерство» Белега не очень похоже на оказание первой помощи, вроде той, что делал Маблунг - явно здесь нечто большее. Правда, некоторые эпизоды можно объяснить тем, что у Белега был с собой подарок Мелиан - запас лембас Дориата. Кроме того, из вышесказанного видно, что упоминание об «искусном целителе» стоит в описании самоисцеления Белега, который был «могуч среди эльфов». Однако как минимум один случай не объясняется ничем, кроме целительского умения, и это - случай с раненым разбойником: «Весной того года Андрог презрел проклятие Мима и снова взял лук, отправившись с ним на вылазку из Бар-эн-Данвед; и в той вылазке он был ранен отравленной орочьей стрелой; обратно его принесли при смерти. Но Белег исцелил его от этой раны» («О детях Хурина»).

Похоже, все-таки, что случай Белега так и остается не вполне объяснимым с точки зрения «Законов и обычаев».

Кроме случаев успешных исцелений, в текстах описаны и целительские неудачи. Например, Гвиндор, так и не оправившийся после плена (*- см. сноски в конце текста) В тексте «О детях Хурина» сказано, что Гвиндор лишился левой кисти во время побега, но целительская неудача заключалась не только в этом:

Тогда Белег разбудил спящего и дал ему лембас, и спросил, какая судьба привела его в это ужасное место; и он назвался Гвиндором, сыном Гуилина. С печалью смотрел Белег на него - согбенную и робкую тень прежнего облика и нрава того лорда Нарготронда, кто в Битве Бессчетных Слѐз пробился к самым дверям Ангбанда - и там был пленѐн. /.../ Гвиндор же получил маленький меч от одного из работавших в кузне; и, работая в каменоломне, он внезапно напал на стражей. Он бежал, но ему отрубили одну кисть, и теперь он, обессиленный, лежал под огромными соснами Таур-ну-Фуин. /.../ Гвиндору оказывали пренебрежение, поскольку он больше не был более среди первых во владении

оружием, и силы его были малы; и боль в искалеченной руке часто возвращалась к нему.
(«О детях Хурина»)

Кроме Гвиндора, описаны еще как минимум два случая, в каждом из которых видно, что повреждение затрагивает не только тело, но и дух пострадавшего - и чаще всего причина неудачи коренится именно в повреждении духа. Это во-первых, Келебриан, жена Элронда:

...она попала в засаду на перевале Багровый Рог, и ее сопровождающих рассеяли внезапно напавшие орки, она же была схвачена и утащена прочь. Элладан и Элрохир шли по ее следам и спасли ее, но не раньше, чем она претерпела пытки и получила отравленную рану. Ее привезли назад в Имладрис, и хотя Элронд исцелил ее тело, душа ее утратила всякую радость в Средиземье, и в следующем году она ушла в Гавани и отплыла за море. (ВК, Приложение А. (III))

А кроме того - уже упоминавшийся Белег. Вот описание исцеления Белега майэ Мелиан:

...чтобы в Тысяче Пещер
Он был полностью исцелен чарам рук
Мелиан Маблуи, лунной королевы.
Прежде чем прошла неделя, его раны были исцелены,
Но сердечную тяжесть эти снежно-белые руки
Не успокоили и не смягчили, и, печальный,
Он отправился в лес...
(«Лэ о детях Хурина», 725ff)

Следует отметить, что случаи так называемого «исцеления фэа» или «исцеления силой фэа» (кроме случаев самоисцеления) в основном связаны с майар и их потомками. Это уже упомянутая Мелиан, это Гендальф, исцеляющий сломленный дух Теодена, и это Люттиэн и ее потомки - в частности, Элронд и Арагорн.

*

Рассматривая сложные случаи исцеления, следует вернуться к «Лэ о Лейтиан» - к эпизоду исцеления Берена от раны стрелой. Выше процитирован отрывок, упоминающий «песню, останавливающую кровь», теперь рассмотрим продолжение этого же эпизода:

Упала тень мрачных гор.
Затем возшел над темным Севером
Серп Богов, и каждая
Его звезда сияла в ледяной ночи,
Сверкая белым и холодным блеском.
У земли же виден свет
Вылетающих красных искр:
Под переплетенными ветвями у огня
Из трещащих поленьев и вереска, -
Там лежал Берен, объятый дремотой,
Блуждая и странствуя в снах.
Тревожно склонившись над ним, не спит
Прекрасная дева; она утоляет его жажду,

Вытирает лоб, и медленно напевает вполголоса
 Песню, более могущественную, чем были
 С тех пор записаны в рунах целительского знания.
 Медленно проходят ночные часы.
 Подкралось серое, туманное утро,
 От сумерек неохотно переходя в день.
 Тогда Берен проснулся и открыл глаза,
 Встал и воскликнул: «Под иными небесами,
 В землях более ужасных и неизвестных
 Я долго блуждал, казалось мне, один,
 В глубокой тени, где обитают мертвые;
 но постоянно голос, который я хорошо знаю,
 подобный колоколам, виолам, арфам, птицам,
 подобный волнующей музыке без слов,
 звал меня, звал меня сквозь ночь,
 чарами вернул меня снова к свету!
 Рана исцелена, и боль ушла!»
 (XVIIb Healing Beren of arrow-wound)

Здесь наиболее полно описано то, что впоследствии будет делать Арагорн в Гондоре (только без пения), то, что на играх очень часто случается делать целителям «высокого уровня» или эльфийским лордам в отношении своих верных - а именно, призыв фэа вернуться в мир живых. Однако нигде в текстах нет упоминания о том, что кто-то еще мог сделать что-то подобное («песня, более могущественная, чем были с тех пор записаны в рунах целительских знаний»), кроме Люттиэн и ее отдаленных потомков, вернее - одного конкретного потомка.

В тексте присутствует описание собственно песни, однако дано оно от лица Берена, так что неизвестно, действительно ли в песне не было слов, или все же какие-то слова Люттиэн произносила.

Кроме этого эпизода, Люттиэн «касанием своей руки исцелила зимнюю старость Тингола» («Сильмариллион», «О Пятой битве») - и это, в принципе, можно тоже отнести к «исцелениям фэа»

*

Теперь же можно приняться за рассмотрение наиболее обширных источников - а именно ВК и сопутствующих текстов.

Для начала хочу коснуться эпизода на Заветери - ранение Фродо моргульским клинком и то, как в этой ситуации действуют Арагорн и, позднее, Элронд.

«Увы! - воскликнул он. - Этот проклятый клинок и нанес рану. Немногие ныне искусны в целительстве достаточно, чтобы противостоять столь злему оружию. Но я сделаю, что смогу» (ВК, «Бегство к броду»)

В этой фразе ясно слышна неуверенность Арагорна, от которой не остается и следа к моменту его появления в Минас-Тирите.

Следующие цитаты описывают собственно действия Арагорна:

Он сел на землю, положил на колени черную рукоять и пропел над нею медленную песнь на незнакомом языке. Потом отложил рукоять в сторону, повернулся к Фродо и тихо проговорил ему какие-то слова, которые остальные не расслышали. Из поясной сумки он

извлек длинные листья какого-то растения (...далее рассказ про ацелас) Он бросил листья в кипящую воду и промыл плечо Фродо. Благоухание отвара освежало, и те, кто не был ранен, почувствовали, как их разум успокоился и прояснился. Трава оказала действие и на рану, и Фродо почувствовал, что боль и ощущение ледяного холода немного утихли (ВК, та же глава).

В этой же главе есть требование Арагорна: *«Держите его (Фродо) в тепле!»*. Перечисленные методы очень похожи (до прямых совпадений - отвар снимает боль, целитель произносит «какие-то слова», «песня на незнакомом языке», правда, пропетая над оружием, а не над раной) на те, что описаны в «Лэ о Лейтиан», в эпизоде исцеления Берена от раны стрелой (см. выше).

Следом, по ходу истории, мы видим, в пересказе Гэндальфа, работу Элронда: *«Элронд - искусный целитель, но оружие нашего Врага смертоносно. По правде сказать, у меня было мало надежды, поскольку я подозревал, что обломок клинка остался в твоей закрывшейся ране. Но его не удавалось найти до прошлой ночи. Тогда Элронд извлек обломок»*. (**)

Итак, перед нами два наиболее часто упоминаемых в ВК целителя. Сопоставляя личности Арагорна и Элронда с положением из Законов и обычаев, можно заключить, что перед нами явные «сложные случаи», с которыми надо разбираться подробнее.

В первую очередь, оба они - воины. Элронд участвовал в Войне Гнева, в сражениях в Эрегионе, в войне Последнего союза - это то, что известно точно. И при этом он упомянут как *«величайший целитель из ныне живущих»* (ВК). Если в случае Арагорна можно было бы обосновать его целительские способности тем, что «у людей иначе», то Элронд - явное и несомненное исключение. Что же касается людского «иначе», то можно видеть, что Арагорн использует эльфийские целительские методы, что тоже не позволяет просто отнести его к людским лекарям. Кроме того, у них есть общее, что подтверждает фраза Арагорна: *«Если бы здесь был Элронд! Он - старший из всего нашего рода (the eldest of all our race), и сила его больше»* (ВК, «Палаты исцеления»). Здесь практически подтверждается причина «особенности» как Элронда и его детей Элладана и Элрохира, так и самого Арагорна - их род, который они оба ведут от Лютинэн.

То, что делает в Гондоре Арагорн, возвращая к жизни Фарамира, Эовин и Мерри, относится к искусству целительства, но включает в себя нечто большее, чем простое (или даже по-эльфийски сложное) исцеление раненых. Сравнивая цитаты (см. Приложение 3) можно видеть почти дословные совпадения описаний того, что и как делает Арагорн, и того, что и как делает Лютинэн. Можно предположить, что подобного рода способности обусловлены силой айнур. Однако у нас нет упоминаний о том, что всему роду потомков Лютинэн была присуща способность призвать фэа в мир живых от порога смерти. Возможно, что подобный дар был у потомков Элроса, но упоминаний об этом нет.

Однако есть еще один момент, который необходимо, с моей точки зрения, учитывать. Это хорошо известное *«Руки Короля - руки целителя»*. Возможно, эта гондорская пословица явилась одной из причин столь частого на играх отыгрыша «целительства наложением рук» и заодно идеи о том, что любой лорд - целитель по умолчанию. Но, судя по данным источников, наложение рук, как целительский метод, не упоминается нигде, и ни один из эльфийских лордов, кроме Элронда - потомка Лютинэн, не назван целителем. Тем не менее, подтверждение пословицы так же можно увидеть по разнице в том, как действует Арагорн на Заветери и как - в Гондоре. Возможно, что причина этой разницы заключается в том, что к моменту появления Арагорна в Гондоре он уже принимает на себя часть власти Короля, и этой властью вправе призвать фэар Фарамира, Эовин и даже Мерри, а после - Сэма и Фродо.

*

Итак, выводы.

По корпусу текстов получили подтверждение следующие тезисы:

- эльфы используют для исцеления ран лекарственные травы в виде мазей и отваров;
- эльфы используют целительную силу воды;
- у некоторых из созданных эльфами артефактов (камней и колец) также есть целительные свойства;
- целительными свойствами, а не только способностью поддерживать силы, обладает лембас;
- эльфы обладают способностью к самоисцелению, не подвержены болезням и способны переносить большие, нежели люди, нагрузки;
- эльфийские целители используют некие особые песни для воздействия на *хроар* и подобная практика является, скорее всего, обычной.

Не получили подтверждения тезисы о целительских способностях эльфийских лордов (ни одного упоминания по корпусу текстов, за исключением Элронда, который относится к несколько иной группе).

Не получили полного подтверждения тезисы о том, что многие эльфы способны к исцелению *фэар* и/или силой *фэа*. В текстах прямо упомянуты только майар - Мелиан и Гэндальф - и потомки Мелиан: Люттиэн и ее род. Больше прямых упоминаний нет. Однако в данном случае нельзя полностью исключить возможность подобных случаев - т.к. нет и прямого опровержения. По крайней мере, Белег пытается исцелить Турина от безумия с помощью вод озера Иврин, так что, вероятно, подобные случаи бывали; возможно, для них эльфами использовались какие-то иные методы.

Нет упоминаний о передаче целителями неких «сил» своим пациентам. Упоминание Маблунга людьми Бретиля как целителя не в полной мере может служить опровержением тезиса о невозможности воина оказывать медицинскую помощь, однако и не подтверждает обратного, т.к. речь, скорее всего, именно о больших, нежели у Эдайн, знаниях и умении обрабатывать раны.

Многочисленное упоминание Белега-целителя так и не удалось в полной мере соотнести ни с одним из положений «Законов и обычаев»; по всей вероятности, понять, каким образом он был способен исцелять достаточно тяжелые раны (как свои, так и чужие), на основании текстов невозможно. Предположения разной степени логичности находят в текстах только косвенные и умозрительные подтверждения.

Нет упоминания о «исцелении наложением рук». Пословица, вероятно, отражает не столько умение, сколько право людских (только) Королей призывать обратно в мир живых *фэар* тех, кто близок к порогу смерти. Однако этот тезис требует более детального анализа.

*

В заключение хотелось бы предложить несколько рекомендаций по отыгрышу эльфийского целительства на играх.

Во-первых, не стоит забывать о том, что эльфы использовали вполне материальные лекарственные средства для оказания помощи раненым и больным - травы, отвары, мази.

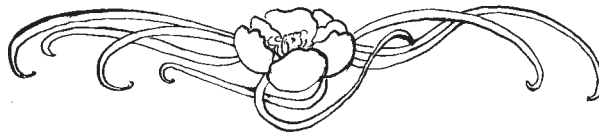
Во-вторых, можно также использовать для моделирования «целительских песен» собственно песни, стихи (это с успехом применялось на игре «Апокриф») или ритмическую прозу - однако следует помнить о том, что у подобных методов есть свои сложности в применении. В частности, не все умеют петь и не каждые стихи можно прочесть и выслушать с должным выражением лица - возможно, стоит писать подобные «заклинания» заранее.

В-третьих, на мой взгляд, стоило бы свести к минимуму или вовсе перестать использовать

эльфийских лордов в качестве универсальных лекарственных средств - этому нет никаких оснований в текстах. Возможно, Короли людей, как потомки Люттиэн, в большинстве своем обладали правом призыва, но упоминаний об этом нет, да и право не всегда указывает на способность этим правом воспользоваться.

Примечания:

(1) Целебные мази:

Там собралась толпа, чтобы встретить их, и когда они приблизились, шум поднялся в толпе, и некоторые принесли им мясо, и прохладительные напитки, и целебные мази, и снадобья для их ран («Книга Утраченных сказаний», т. 2, «Легенда о Тинувиэли», после охоты Тингола и Берена на Кархарота);

Целительные воды:

...ее слёзы, падая с высот, когда она пролетала [над Гондолином], упали на равнину, как серебряные дождевые капли, и там, где они упали, пробился источник: Источник Тинувиэль, Эйтель Нинуи, самая целительная вода - до тех пор, пока ее не иссушило пламя. («История Средиземья», т. 5, комментарий к главе «Квенты Сильмариллион» «О Берене и Люттиэн»; фраза, исключенная Кристофером)

...Воды озера Иврин вечно смеются. Его питают неиссякающие прозрачные источники и хранит от осквернения Ульмо, Господин Вод, что создан его красота в древние дни. Тогда Турин опустился на колени, выпил той воды, и его слёзы, наконец, полились, и он был исцелен от безумия. («Дети Хурина»)

- Это Нимродель! - воскликнул Леголас. (...) Я омою в ней ноги, ибо говорят, что эта река исцеляет усталость. (...) Фродо стоял у берега, позволив воде обтекать его усталые ноги. Она была холодна, но само ее прикосновение было чистым, и он зашел в воду по колено, и почувствовал, что все следы долгого пути и вся усталость исчезли. (ВК, глава «Лотлориэн»).

Целительные свойства камней и колец, описанные на примере Элессара и кольца Нэнъя:

...руки владельца камня приносили исцеление всем, к кому прикасались. (...) А перед тем, как уплыть, Идриль отдала камень своему сыну Эарендиллю и сказала ему:

- Элессар я оставляю тебе, ибо в Средиземье много страждущих и, может быть, он поможет тебе исцелять их. Только не отдавай его никому другому.

В Гаванях Сирнона и в самом деле было много людей и эльфов, что нуждались в исцелении; даже звери бежали туда от ужасов Севера; и, пока Эарендилль жил среди них, все находили исцеление, и были здоровы и счастливы, и на время весь тот край расцвел и дивно преобразился /.../ Когда Галадриэль носила Элессар, все вокруг становилось прекрасным, пока в Лес не явилась Тень. Но позже, когда Келебримбор прислал Галадриэли Нению, главное из Трех колец, она решила, что Элессар ей больше не нужен, и отдала его своей дочери, Келебриан, а от той он перешел к Арвен, и к Арагорну, которого прозвали Элессаром («Неоконченные сказания», «Элессар»).

Целительная сила отдыха:

Нежная Эстэ, целительница ран и усталости - его супруга. Серы ее одежды; дар ее - отдых. (...) Из источников Ирмо и Эстэ все, кто живет в Валиноре, черпают бодрость; и часто сами валар приходят в Лориэн и находят там отдых и облегчение от бремени Арды («Сильмариллион», «О Валар»)

(2) По поводу собственно исцеления Гвиндора прямо не сказано ничего, кроме факта применения лембас. Пример же Маэдроса, дух которого сохранил «тень мук» все же относится скорее к удачным исходам, хотя бы потому, что тень не сломала того, в ком «пламень жизни ярко горел». Возможно, что тень даже стала причиной большего рвения в истреблении орков. («Тело его оправилось от мук и выздоровело, но тень мук осталась в душе; и меч в левой руке был более смертоносным для врагов, чем некогда в правой» Сильмариллион. «О возвращении Нолдор»). Однако, полного подтверждения тому, что здесь второе есть следствие первого, в тексте, разумеется, нет.

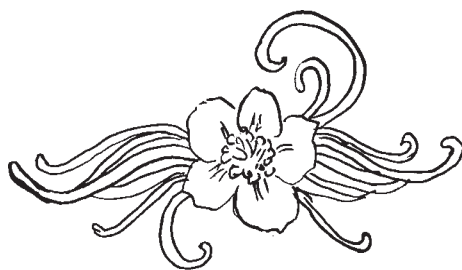
(3) Для сравнения:

Лютгэн	Арагорн
...лист, - Главный среди всех исцеляющих трав, Что растет, вечнозеленая, на лесных полянах С длинным и сероватым листом. /.../ Там лежал Берен, объятый дремотой, Блуждая и странствуя в снах. Тревожно склонившись над ним, не спит Прекрасная дева; она утоляет его жажду, Вытирает лоб, и медленно напевает вполголоса Песню, более могущественную, чем были С тех пор записаны в рунах целительского знания. Медленно проходят ночные часы. Подкралось серое, туманное утро, От сумерек неохотно переходя в день. Тогда Берен проснулся и открыл глаза, Встал и воскликнул: «Под иными небесами, В землях более ужасных и неизвестных Я долго блуждал, казалось мне, один, В глубокой тени, где обитают мертвые; но постоянно голос, который я хорошо знаю, подобный колоколам, виолам, арфам, птицам, подобный волнующей музыке без слов, звал меня, звал меня сквозь ночь, чарами вернув меня снова к свету! Рана исцелена, и боль ушла! (...)»	... время от времени он призывал Фарамира, но зов его звучал все тише, как бы издалека, будто он и сам удалялся от них, уходя в какую-то темную долину, и искал того, кто там заблудился. Наконец прибежал Бергил с шестью длинными листьями в тряпиче. /.../ ...он опустил листья в принесенную чашу с кипятком, и у всех посветлело на душе: пахло росистым утром при неомраченном солнце в том краю, о котором даже сиянье земной весны - лишь бледное напоминанье. Арагорн легко поднялся на ноги и с улыбкой в глазах поднес чашу к лицу спящего Фарамира. /.../ Вдруг Фарамир пошевелился, открыл глаза, увидел склоненного над ним Арагорна - и взгляд его засветился радостью узнавания, и он тихо промолвил: - Государь, ты звал меня. Я пришел. Что прикажет король? - Очнись и не блуждай более в сумраке, - сказал ему Арагорн. - Ты устал. Отдохни пока, подкрепись и будь готов, когда я вернусь.

Сноски:

* - Маэдроз Леворукий - не вполне корректный пример, т.к. о нем сказано, что «со временем его тело исцелилось», а отрубленную руку вырастить заново эльфы не могут, согласно «Законам и обычаям» и авторского примечания к «Атрабет» (там указание на «руку» прямое).

** - в переводе Муравьева и Кистяковского следующая фраза звучит как «он уже ушел глубоко и подбирался к сердцу», но в оригинале про локализацию обломка нет ничего, зато есть фраза «and it was working inwards» - примерный перевод как «и уже работал, действовал изнутри». Так что нет оснований считать, что Элронд проводил хирургическую операцию на сердце, хотя, с другой стороны, не ясно, каким образом обломок был извлечен так, что за один день от раны не осталось следов. Возможно, Элронд как-то поспособствовал ускоренному заживлению разреза, но конкретно ничего сказать нельзя.

I do think of the 'Dwarves' like Jews:
at once native and alien in their habitations,
speaking the languages of the country,
but with an accent due to their own private tongue...
JRRT, 176: From a letter to Naomi Mitchison 8 December 1955

[Я представляю себе «гномов» евреями:
одновременно аборигены и пришельцы в своих поселениях,
говорящие на языках с поверхности, но с акцентом,
присущим их собственному родному языку...
Дж.Р.Р. Толкин, письмо № 176:
Из письма Наоми Митчисон, 8 декабря 1955 года]

История гномов - это история самого древнего и загадочного народа Арды. В истории четырёх Эпох народ гномов всегда играл важную роль: торговые союзники, военная сила, учителя, враги, помощники и защитники... И тем не менее, о взаимоотношениях гномов и остальных народов Средиземья известно не слишком много - возможно, потому, что источники, доставшиеся нам для исследования, были написаны «от лица» эльфов, людей и хоббитов, но никак не самих гномов. При анализе материала, прежде всего, сталкиваешься именно с этой проблемой: из всего «словесного», принадлежащего гномам и имеющего «историческую» ценность, мы имеем только записи в Книге Мазарбул и «Песнь о Дьюрине» в исполнении Гимли. Все остальное, даже то, что записано «со слов гномов», предстаёт перед нами в виде эльфийских и людских записей и легенд.

Основные источники, которые необходимо проштудировать каждому, интересующемуся историей гномов и которые штудировала я:

«Сильмарилион» («Квэнта Сильмарилион», глава 2 - «Об Ауле и Йаванне», глава 10 - «О народе синдар», глава 22 - «О разрушении Дориата»; глава 25 - «О Кольцах Власти и Третьей Эпохе»);

«Властелин Колец» (Предисловие, Приложения А и F);

«Хоббит» (весь);

«Неоконченные сказания» (главы «История Галадриэли и Келеборна» и «Поход на Эребор»),

«История Средиземья» (том 11, часть 2, глава 13; том 12, часть 1, глава 9 (IV), часть 2, главы 10 и 13)

Предначальная Эпоха. Сон и первые шаги

Собственно говоря, в Предначальную Эпоху (кроме последних 250 лет Валар или около того (1), у гномов не было никаких взаимоотношений ни с кем, кроме одного из Валар, их создателя Ауле (на кхуздуле - «Мáхал», «мощь»), - с одной стороны, потому, что гномы были сотворены Ауле задолго до появления в Арде и эльфов, и людей, а с другой стороны, потому, что когда эльфы уже появились, гномы только-только проснулись, и места пробуждения гномов и эльфов довольно далеко отстояли друг от друга: Куйвиэнэн располагался на дальнем Востоке, от которого были значительно удалены места пробуждения как минимум трёх Праотцов (и, соответственно, места проживания трёх Родов) гномов - Синие Горы и гора Гундабад, входящая в цепь Туманных Гор.

В то же время именно процесс и время создания гномов обусловили изначальную доминанту отношений гномов со всеми остальными народами Средиземья. Гномы, по их собственным словам и верованиям, изначально сильно отличались от людей и эльфов. В «Сильмариллионе» (глава 2, «Об Ауле и Йаванне») это описывается так:

And Aulë made the Dwarves even as they still are, because the forms of the Children who were to come were unclear to his mind, and because the power of Melkor was yet over the Earth; and he wished therefore that they should be strong and unyielding.

[И Ауле создал гномов - такими, каковы они и сейчас, поскольку внешность Детей, которые должны были прийти, была неясна его разуму, и поскольку Мелькор был всё ещё властен над землёй. И потому Ауле пожелал, чтобы они были сильны и выносливы] (2)

Таким образом, гномы являются народом совершенно уникальным: они - единственные, кого сотворил не только Эру, но и один из Валар. В этом гномы подобны Сильмарилиям - хотя их душа (fëa) была дарована им Эру самолично и, следовательно, не отличается от душ Детей Эру, их тело было сотворено или сконструировано, буквально-таки руками («Aulë made the Dwarves», то есть, дословно, «сделал», в то время как люди и эльфы были «спеты» Айну́р), причём с жёстким логическим замыслом и предельно рационально:

Since they were to come in the days of the power of Melkor, Aulë made the Dwarves strong to endure. Therefore they are stone-hard, stubborn, fast in friendship and in enmity, and they suffer toil and hunger and hurt of body more hardily than all other speaking peoples; and they live long, far beyond the span of Men, yet not for ever.

[Поскольку гномам предстояло появиться на свет в дни могущества Мелькора, Ауле сотворил гномов выносливыми. Поэтому-то они крепки как камень, упрямы, скоры на дружбу и на вражду и переносят тяжкий физический труд, голод и боль легче, чем любой другой говорящий народ (!); и живут гномы дольше, много дольше людей, но не вечно] («Сильмариллион», глава 2)

Таким образом, с самого рождения гномы ощущали себя народом скорее «сотворённым», нежели «рождённым», и это накладывало свой отпечаток на их поведение.

Есть ещё один забавный момент, определивший все дальнейшие взаимоотношения гномов и остальных народов Средиземья. Дело в том, что и люди, и эльфы рождались в одном месте: все эльфы - у Куйвиэнэн, все люди - тоже в определённом месте

«далеко на востоке», и изначально каждый народ представлял собой одну большую группу, расположившуюся в определённой локации. Гномы же были распределены по крайней мере по четырём локациям.

«В традициях гномов конца Третьей Эпохи не забывались названия мест, где «пробудились» Семь Предков; лишь два из них были известны эльфам и людям Запада: самое западное, место пробуждения предков Огненнобородов и Широкозадых (Broadbeams); и место пробуждения праотца Долгобородов, старейшее из всех. Первое находилось на севере Эред Линдон, великого восточного хребта Белерианда, от которого во Вторую и поздние эпохи остались Синие Горы; вторым была гора Гундабад (куздульское название), место, почитаемое гномами... [...] Еще два места находились восточнее, гораздо дальше, чем расстояние между Синими Горами и Гундабадом: то, где появились Железные Кулаки и Густобороды, и то, где проснулись Черноволосые и Каменноногие [С вероятностью можно утверждать, что это - Orogarni, Горы Востока, у подножия которых лежало и озеро Куйвиэнэн].»

(«История Средиземья», том 12, глава 10 - здесь и далее перевод Александра Голубина).

Таким образом, ещё до пробуждения гномы оказались распределены по всей территории Средиземья.

Итак, праотцов гномов Ауле уложил отдыхать до той поры, пока в Средиземье не появились эльфы. С вероятностью, гномы проснулись немногим позже эльфов, но поскольку их было гораздо меньше (если считаться с самой «многочисленной» версией, то 13 - шесть праотцов с жёнами и один без жены), то им потребовалось некоторое время, чтобы хоть как-то размножиться. В любом случае, контакты эльфов и гномов до того времени, когда Тингол прочно обосновался в будущем Дориате, не зафиксированы. Первая встреча гномов и эльфов описывается в «Сильмариллионе» (глава 10) так:

It came to pass during the second age of the captivity of Melkor that Dwarves came over the Blue Mountains of Ered Luin into Beleriand. Themselves they named Khazâd, but the Sindar called them Naugrim, the Stunted People, and Gonnhirrim, Masters of Stone. Far to the east were the most ancient dwellings of the Naugrim..., but they had delved for themselves great halls and mansions, after the manner of their kind, in the eastern side of Ered Luin; and those cities were named in their own tongue Gabilgathol and Tumunzahar. To the north of the great height of Mount Dolmed was Gabilgathol, which the Elves interpreted in their tongue Belegost; and southward was delved Tumunzahar, by the Elves named Nogrod. From Nogrod and Belegost the Naugrim came forth into Beleriand; and the Elves were filled with amazement, for they had believed themselves to be the only living things in Middle-earth that spoke with words or wrought with hands, and that all others were but birds and beasts.

[И случилось так, что во вторую эпоху пленения Мелькора гномы перевалили через Синие горы, Эред Луин, и попали в Белерианд. Сами себя они называли «кхазад», но синдар звали их «наугрим», «малорослый народ», и «гоннхиррим», «повелители камня». Далеко к востоку лежали самые древние поселения гномов... (3), но они выстроили себе огромные залы и дворцы, как это было в обычае их народа, внутри восточных

склонов Эред Луин; и города эти на языке гномов назывались Габилгатол и Тумунзахар. К северу от горы Долмед располагался Габилгатол, который эльфы назвали Белегостом; а к югу от него лежал Тумунзахар, по-эльфийски - Ногрод. Из Ногрода и Белегоста гномы пришли в Белерианд, и эльфы изумились, поскольку считали, что они - единственные живые существа в Средиземье, способные говорить словами или изготавливать что-либо руками, а всё остальное - это лишь птицы да звери].

Более того, эльфы сначала толком не поняли, как следует к гномам относиться:

When the Elves met the powerful Dwarves of Nogrod and Belegost, in the eastern side of the Mountains, they recognized them as Incarnates, for they had skill in many crafts, and learned the Elvish speech readily for purposes of traffic. At first the Elves were in doubt concerning them, believing them to be related to Orcs and creatures of Morgoth; but when they found that, though proud and unfriendly, they could be trusted to keep any treaties that they made, and did not molest those who left them in peace, they traded with them and let them come and go as they would.

[Когда эльфы встретили могучих гномов Ногрода и Белегоста, на восточных склонах [Синих] Гор, то решили, что это - существа разумные, поскольку гномы были искусны во многих ремёслах, и быстро выучили эльфийский из-за торговых нужд. Сначала эльфы сомневались относительно гномов, веря, что те - родичи оркам и являются тварями Моргота. Но когда эльфы открыли, что, пусть гордые и недружелюбные, гномы всегда держат раз данное слово и не мучают тех, кто оставляет их в покое, то начали торговать с гномами и позволять им ходить где угодно] («История Средиземья», том 11, примечание 7).

Причем, несмотря на изумление и, попервоначалу, недоверие, эльфы Тингола (а именно с ними столкнулись первые гномы Синих гор) быстро поняли всю выгоду присутствия гномов в Белерианде:

Ever cool was the friendship between the Naugrim and the Eldar, though much profit they had one of the other; but at that time those griefs that lay between them had not yet come to pass, and King Thingol welcomed them.

[Хотя всегда была прохладной дружба между наугрим и эльдар, она принесла немало выгоды и тем, и другим; в то время ещё не было меж ними той вражды, что пришла позже, и король Тингол привлекал гномов] («Сильмариллион», глава 10).

Более того, не только Тингол, но и гномы были рады сотрудничеству: в Предначальную Эпоху гномов интересовал не столько доход как таковой, сколько собственно работа и эстетическо-культурное наслаждение. Вот что говорится в «Сильмариллионе» (глава 10) о постройке гномами Менегрота:

He [Thingol] sought aid and counsel of the Dwarves of Belegost. They gave it willingly, for they were unwearied in those days and eager for new works; and though the Dwarves ever demanded a price for all that they did, whether with delight or with toil, at this time they held themselves paid. For Melian taught them much that they were eager to learn, and Thingol rewarded them with many fair pearls.

[Он [Тингол] обратился за помощью и советом к гномам Белегоста. Они откликнулись

охотно, поскольку в те дни были неутомимы и охочи до новой работы. И хотя гномы всегда назначали цену за всё, что делали [По всей видимости, речь идёт о цене в деньгах, металле, еде или ещё чём-то измеримом и явно утилитарном, если уж ученичество у майи Мелиан и жемчуг Балара противопоставляется «цене». - М.К.], было ли это для них удовольствием или тяжким трудом, но в этот раз они сочли себя вознаграждёнными. Ибо Мелиан научила их многому, чему они были рады выучиться, а Тингол расплатился с ними множеством светлых жемчужин].

В целом можно говорить о том, что синдар и гномы ещё до прихода в Средиземье нолдор вполне успешно торговали и помогали друг другу - в том числе, гномы помогли нарастить военную мощь Дориата для борьбы с орками:

Therefore Thingol took thought for arms, which before his people had not needed, and these at first the Naugrim smithied for him

[И тогда Тингол начал задумываться об оружии, в котором до той поры его народ не нуждался, и гномы впервые выковали оружие для него]

Thingol's armouries were stored with axes and with spears and swords, and tall helms, and long coats of bright mail; for the hauberks of the Dwarves were so fashioned that they rusted not but shone ever as if they were new-burnished.

[Тинголовы оружейные были полны топоров, копий, мечей, высоких шлемов и длинных блестящих кольчуг - гномы делали свои кольчуги так, что те не ржавели и всегда сияли, словно только что отполированные] («Сильмариллион», глава 10).

Более того, гномы уже были подготовлены к такому ходу событий, и военный союз был довольно логичным для гномов решением:

The Dwarves claimed to have met and fought the Orcs long before the Eldar in Beleriand were aware of them. It was indeed their obvious detestation of the Orcs, and their willingness to assist in any war against them, that convinced the Eldar that the Dwarves were no creatures of Morgoth.

[Гномам довелось встретиться и сразиться с орками задолго до того, как эльдар Белерианда узнали о существовании орков. Очевидное отвращение гномов к оркам и то, что гномы с охотой помогали в любой войне против орков, убедило эльдар в том, что гномы не были творениями Моргота.] («История Средиземья», том 11, приложение С).

В это время синдар продолжают учиться у гномов мастерству работы с металлом, по всей видимости, осознав необходимость создания хорошего оружия «в домашних условиях» (с вероятностью можно предположить, что во время строительства Менегрота камнерезы и скульпторы синдар что-то переняли у гномов):

Their [Dwarves'] smithcraft indeed the Sindar soon learned of them; yet in the tempering of steel alone of all crafts the Dwarves were never outmatched even by the Noldor

[Их [гномов] кузнечное искусство было таково, что синдар скоро начали учиться у них, хотя в закалке стали, единственном из всех ремёсел, гномов не превзошли даже нолдор] («Сильмариллион», глава 10).

Однако нельзя сказать, что здесь была именно дружба - такая, какая связывала Нарви и Келебримбора или Гимли и Леголаса. Взаимоотношения гномов с синдар к началу Первой Эпохи постепенно переходят из фазы, когда оба народа удивлялись друг другу и друг у друга учились, в фазу устойчивых, но чисто торговых. Кроме того, гномы по-прежнему остаются закрытым народом: их крепости синдар не посещают.

Few of the Eldar went ever to Nogrod and Belegost, save Eöl of Nan Elmoth and Maeglin his son

[Немногие из эльдар когда-либо приходили в Ногрод и Белегост, кроме Эола из Нан-Эльмота и Маэглина, его сына] («Сильмарилион», глава 10)

Гномы не учат эльфов кхуздулу (по крайней мере, нет упоминаний о синдар Дориата, которые знали бы кхуздул) и не раскрывают других секретов.

Первая Эпоха. Братья по кузне. Не всё то золото, что у Тингола. Дети и внуки. Самый восточный восток.

С приходом в Средиземье изгнанников-нолдор гномы обрели новых друзей и новых союзников. Первым гномов «обнаружил» лорд Карантир самолично, прямо в процессе расселения народа Феанора по востоку, северо-востоку и юго-востоку Белерианда:

And thus it was that Caranthir's people came upon the Dwarves, who after the onslaught of Morgoth and the coming of the Noldor had ceased their traffic into Beleriand. But though either people loved skill and were eager to learn, no great love was there between them; for the Dwarves were secret and quick to resentment, and Caranthir was haughty and scarce concealed his scorn for the unloveliness of the Naugrim, and his people followed their lord. Nevertheless since both peoples feared and hated Morgoth they made alliance, and had of it great profit; for the Naugrim learned many secrets of craft in those days, so that the smiths and masons of Nogrod and Belegost became renowned among their kin, and when the Dwarves began again to journey into Beleriand all the traffic of the dwarf-mines passed first through the hands of Caranthir, and thus great riches came to him.

[И тогда-то народ Карантира встретился с гномами, которые после поражения Мелькора и прихода нолдор устремились в Белерианд. Но хотя оба народа любили ремесло и охотно учились, между ними не было особой любви - ибо гномы были скрытны и легко обижались, а Карантир был высокомерен и презрительно отзывался об уродстве гномов, а следом за ним - и его народ. Но поскольку оба народа боялись и ненавидели Моргота, они заключили союз, от которого было много проку - гномы в те дни переняли многие секреты мастерства нолдор, так что кузнецы и каменщики Ногрода и Белегоста прославились среди своего народа, а когда гномы снова начали путешествовать в Белерианд, все товары с гномьих рудников проходили сперва через руки Карантира, и потому он нажил огромные богатства] («Сильмарилион», глава 13)

Таким образом, первый опыт общения гномов с сыновьями Феанора был не слишком положительным, и в этот раз самим гномам пришлось немало заплатить. Впрочем, остальные сыновья Феанора обращались с гномами куда более дружески: Куруфин и, по всей видимости, его сын Келебримбор (в той версии, где он - сын) общались с гномами скорее из интереса и дружеских чувств, и есть упоминание о том, что Куруфин был одним из немногих нолдор, кто смог выучить кхуздул:

Куруфин очень интересовался языком Гномов, будучи единственным из Нолдор, добившимся их дружбы. («История Средиземья», том 11, часть 4 - «Квэнди и Эльдар», Цитируется по: Helge K. Fauskanger, Ardalambion, «Кхуздул - тайный язык гномов» (перевод - Drauger). - М.К.).

Лорду Маэдросу и вовсе удалось заслужить уважение гномов и получить от них и военную помощь в Пятой Битве, и драгоценный дар - шлем Дракон Дор-Ломина, но об этом мы поговорим немного позже.

Не только Первый Дом нолдор отличался любовью к гномам - Финрод не зря был прозван Фелагундом:

Thus Finrod came to the Caverns of Narog, and began to establish there deep halls and armouries after the fashion of the mansions of Menegroth; and that stronghold was called Nargothrond. In that labour Finrod was aided by the Dwarves of the Blue Mountains; and they were rewarded well, for Finrod had brought more treasures out of Tirion than any other of the princes of the Noldor. And in that time was made for him the Nauglamí r, the Necklace of the Dwarves, most renowned of their works in the Elder Days. [...] There in Nargothrond Finrod made his home with many of his people, and he was named in the tongue of the Dwarves Felagund, Hewer of Caves; and that name he bore thereafter until his end.

[Тогда-то Финрод пришёл в Пещеры Нарога и начал там строить глубокие залы и оружейные, подражая палатам Менегрота - крепость эта была названа Нарготронд. В этом труде Финроду помогали гномы Синих Гор, и они были славно вознаграждены, ибо Финрод принёс с собой и Тириона сокровищ больше, чем любой из принцев нолдор. И в то время был сотворён для него Наугламир, Ожерелье Гномов, самое известное гномье произведение Древних Дней. [...] Там, в Нарготронде, Финрод вместе со многими из его народа устроил себе жилище, и был прозван на языке гномов Фелагундом, Тесателем Пещер, и это имя носил он до конца своих дней.] («Сильмарилион», глава 13).

Однако нигде не упоминается, что между Финродом и гномами была дружба или вообще какие бы то ни было приятельные отношения [Вспомним цитату о том, что Куруфин был единственным из нолдор, добившимся ДРУЖБЫ с гномами. - М.К.] - Наугламир, по всей видимости, был изготовлен всё же не как дар, а по заказу. Но не стоит думать, что более-менее положительное отношение гномов к нолдор было куплено золотом или взаимными услугами, как это было в случае с синдар Дориата. Оказывается, с нолдор гномы общались и из «душевных» побуждений:

But the Naugrim gave their friendship more readily to the Noldor in after days than to any others of Elves and Men, because of their love and reverence for Aulë; and the gems of the Noldor they praised above all other wealth.

[Но наугрим впоследствии дарили своей дружбой нолдор более охотно, нежели других эльфов и людей, ибо те любили и почитали Ауле; а драгоценные камни нолдор гномы ценили превыше всего.] («Сильмариллион», глава 10)

Отдельный интерес представляет общение гномов с авари - а именно, с Эолом Тёмным Эльфом. Сама по себе история взаимоотношений Эола и гномов довольно сильно выбивается из общего контекста гномо-эльфийских связей во все четыре Эпохи. Во-первых, Эол был единственным, кто, собственно, ничего не хотел получить от гномов (по крайней мере, в торговом отношении), не старался нажиться на союзе с ними и не презирал их скрыто или открыто, что для эльфов во все времена может считаться паранормальным:

He [Eöl] shunned the Noldor, holding them to blame for the return of Morgoth, to trouble the quiet of Beleriand; but for the Dwarves he had more liking than any other of the Elvenfolk of old. From him the Dwarves learned much of what passed in the lands of the Eldar.

[Он [Эол] остерегался нолдор, обвиняя их в возвращении Моргота, нарушившем спокойствие Белерианда; но гномов он любил более, чем любой из эльфов древних времён.] («Сильмариллион», глава 16).

Более того, Эол больше всего интересовался именно той областью ремесла, которая была ноу-хау гномов - обработкой недрагоценного металла, стали и железа, и именно эти знания помогли ему совершить действительно эпохальное открытие, к сожалению, не получившее распространения:

As their friendship grew he would at times go and dwell as guest in the deep mansions of Nogrod or Belegost. There he learned much of metalwork, and came to great skill therein; and he devised a metal as hard as the steel of the Dwarves, but so malleable that he could make it thin and supple; and yet it remained resistant to all blades and darts. He named it galvorn, for it was black and shining like jet, and he was clad in it whenever he went abroad.

[По мере того как росла их дружба, он временами приходил в глубокие залы Ногрода и Белегоста и жил там как гость. Там он выучился многому из того, что касалось работы с металлом, и стал в том весьма искусен. И он нашёл [В смысле, придумал. - М.К.] металл, прочный, как сталь гномов, но столь ковкий, что можно было сделать из него вещь тонкую и гибкую; и ещё этот металл выдерживал удар любого клинка или наконечника. Эол назвал его «галворн», поскольку тот был чёрен и сиял, как драгоценный камень, и Эол всякий раз облачался в него, когда выходил из дому.] («Сильмариллион», глава 16)

Сама по себе нестандартность ситуации заключается именно в том, что Эола и гномов связывала именно дружба, которую ни одна из сторон не предавала. В целом, на взаимоотношения авари и гномов проливает свет единственная фраза из

текста «Квэнди и Эльдар»:

The Noldor themselves had indeed learned much from Morgoth in the days of his captivity in Valinor; but it is more likely that Eol was acquainted with the Dwarves, for in many places the Avari became closer in friendship with that people than the Amanyar or the Sindar.

[Сами нолдор многому научились у Моргота в дни его заключения в Валиноре; но более вероятно, что Эол обменивался знаниями с гномами, потому что во многих случаях авари дружили с этим народом более, чем народы Амана или синдар.] («История Средиземья», том 11, «Квэнди и Эльдар»).

Хотя, по всей видимости, речь идёт не столько об авари всего Средиземья, сколько об авари Белерианда. - см. о затемнении гномов Востока. В конце Первой Эпохи наступает своеобразный перелом в отношении гномов и нолдор: гномы не только не прекращают торговли, которая, как и в начале эпохи, идёт довольно успешно, о чём говорит тот факт, что Гномий Тракт поддерживался в порядке, но и начинают принимать участие в войнах, идущих на поверхности - они вступают в Пятую Битву под знамёнами Маэдроса:

In those days Maedhros son of Fëanor lifted up his heart, perceiving that Morgoth was not unassailable; for the deeds of Beren and Lúthien were sung in many songs throughout Beleriand. Yet Morgoth would destroy them all, one by one, if they could not again unite, and make new league and common council; and he began those counsels for the raising of the fortunes of the Eldar that are called the Union of Maedhros. ...But Maedhros had the help of the Naugrim, both in armed force and in great store of weapons; and the smithies of Nogrod and Belegost were busy in those days.

[В те дни Маэдрос, сын Феанора, воспрял духом, увидев, что Моргота можно победить; деяния Берена и Лютин были воспеты во многих песнях по всему Белерианду. Моргот мог бы уничтожить всех их, одного за другим, если бы они не воссоединились, не образовали союз и общий совет - и Маэдрос начал собирать такой союз, чтобы упрочить победы эльдар, названный Союзом Маэдроса. ...Но Маэдрос получил помощь наугрим - и вооружённым войском, и великим запасом оружия. Кузницы Ногрода и Белегоста были заняты в те дни.] («Сильмариллион», глава 20).

Причина такого поведения гномов была проста и прозаична: Маэдрос ухитрился добиться военного союза с гномами, чего не сделали ни синдар, ни остальные нолдор, сумев спасти Азагхала, правителя Белегоста, за что тот отдал Маэдросу в дар Дракона Дор-Люмина и, со всей очевидностью, пообещал военную поддержку:

Но шлем тот был создан не для людей, а для Азагхала, владыки Белегоста, убитого Глаурунгом в Год Скорби. Азагхал отдал его Маэдросу, в благодарность за то, что тот спас его жизнь и имущество, когда Азагхал попал в оркскую засаду на Гномьей дороге в восточном Белерианде. Маэдрос же послал его в дар Фингону, с которым они часто обменивались дарами, в память о том, как Фингон загнал Глаурунга в Ангбанд. (Повесть о детях Хурина, Переводчик мне неизвестен. - М.К.)

Кроме прочих приятных вещей, вроде «великого запаса оружия», Маэдрос заполучил универсальное и самое стойкое войско, которое смогло изменить ход Пятой Битвы и победить самого опасного врага - Глаурунга и всё его драконье племя:

Last of all the eastern force to stand firm were the Dwarves of Belegost, and thus they won renown. For the Naugrim withstood fire more hardily than either Elves or Men, and it was their custom moreover to wear great masks in battle hideous to look upon; and those stood them in good stead against the dragons. [...] But the Naugrim made a circle about him [Glaurung] when he assailed them, and even his mighty armour was not full proof against the blows of their great axes; and when in his rage Glaurung turned and struck down Azaghâl, Lord of Belegost, and crawled over him, with his last stroke Azaghâl drove a knife into his belly, and so wounded him that he fled the field, and the beasts of Angband in dismay followed after him. Then the Dwarves raised up the body of Azaghâl and bore it away; and with slow steps they walked behind singing a dirge in deep voices, as it were a funeral pomp in their country, and gave no heed more to their foes; and none dared to stay them.

[Последними из западного войска, кто выстоял, были гномы Белегоста, и потому прославились. Ибо наутрим противостояли огню лучше, чем эльфы или люди, и, кроме того, у них был обычай надевать в бой большие, ужасающего вида личины, и это давало им преимущество в битве с драконами. [...] Но наутрим, напав, окружили его [Глаурунга], и даже его мощная броня не полностью защищала его от ударов их огромных топоров, и когда Глаурунг в ярости развернулся и сбил с ног Азагхала, правителя Белегоста, и прополз по нему, последним усилием Азагхал вогнал нож в его брюхо, и так [сильно] ранил его, что тот бежал с поля боя, и твари Ангбанда в смятении последовали за ним. Тогда гномы подняли тело Азагхала и унесли прочь; медленным шагом шли они позади [тела?] и пели погребальную песнь глубокими голосами, ибо таков был погребальный обряд их страны, и не обращали более внимания на своих врагов; и никто не посмел остановить их] («Сильмариллион», глава 20).

Собственно, с гибели Азагхала начинается довольно сложный для гномов Белерианда период: конфликт, вызванный дориатским Сильмарилем, приводит к гибели огромного множества гномов - тех, что были цветом гномьего народа, великими мастерами и воинами. Не думаю, что в этом исследовании есть смысл приводить цитатой всё содержание конфликта гномов и Тингола (описание истории с Наутгламиром есть в 22 главе «Сильмариллиона»), и я позволю себе лишь краткий пересказ. После того, как Берен и Люттиэн ушли из Дориата, а Хурин, наоборот, туда наведаясь, владыка Тингол остался один на один с двумя величайшими сокровищами Первой Эпохи - Сильмарилем и ожерельем Наутгламир, которое гномы изготовили для Финрода Фелагунда вскоре после (или во время) строительства Нарготронда. И Тинголу пришла в голову мысль совместить два сокровища в одном, для чего он обратился с просьбой к ногородским гномам-мастерам. А надобно отметить, что гномы в те времена подолгу жили у Тингола в Менегроте и, более того, в путешествие отправлялись, будучи хорошо вооружены и большими отрядами (*But they came now no longer in small parties as aforetime, but in great companies well armed for their protection in the perilous lands between Aros and Gelion; and they dwelt in Menegroth at such times in chambers and smithies set apart for them.*).

Однако Тингол как-то позабыл учесть одно обстоятельство, которое при столь долгом общении с гномами было бы легко предугадать: гномы, увидев Наутгламир, «произведение рук своих отцов», и оценив прекрасный свет Сильмарилия, решили, что

такими вещами неплохо бы обладать им самим (*Then the Dwarves looked upon the work of their fathers, and they beheld with wonder the shining jewel of Elnor; and they were filled with a great lust to possess them, and carry them off to their far homes in the mountains*), однако вежливо промолчали об этом своём желании (*But they dissembled their mind*) и взялись за работу.

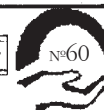
Когда же обновлённый Наугламир был готов и стал невероятно красив (*its beauty was very great*), гномы сказали Тинголу, в это время примерявшему ожерелье: почему это, мол, Наугламир должен тебе достаться, если не ты его ковал и не тебе он предназначен? (*By what right does the Elvenking lay claim to the Nauglamír, that was made by our fathers for Finrod Felagund who is dead? It has come to him but by the hand of Húrin the Man of Dori-lómin, who took it as a thief out of the darkness of Nargothrond.*) Тингол вскипел, увидев, что на самом деле гномами движет алчность (*Thingol perceived their hearts, and saw well that desiring the Silmaril*), и наговорил гномам море неприятностей (*How do ye of uncouth race dare to demand aught of me, Elu Thingol, Lord of Beleriand, whose life began by the waters of Cuiviénen years uncounted ere the fathers of the stunted people awoke?*). Гномы вскипели в ответ, и попросту его убили (*laid hands on him*), после чего взяли Наугламир и направились к Синим Горам. Однако до Синих Гор добрались очень немногие, ибо «их преследовала смерть» (*for they were pursued to the death as they sought the eastward road*), а Наугламир был у них отобран и принесён майе Мелиан. Двое выживших гномов добрались до Ногрода и стали рассказывать байки о том, как гномов в Дориате вырезали по приказу Тингола и что за это надо мстить. Гномы Ногрода, конечно же, немало взволновались из-за смерти своих родичей, помимо всего прочего, бывших великими мастерами - некоторые даже рвали на себе бороды (*they tore their beards*), и было решено идти и мстить. Гномы Белегоста оказались несколько благоразумнее и в Дориат идти отказались.

Войско Ногрода беспрепятственно вошло в леса Дориата, добралось до Менегрота и устроило там битву, в которой погибло много и гномов, и эльфов - в частности, Маблунг, защищавший двери сокровищницы. Наугламир с Сильмарилом гномы взяли с собой и направились домой.

Однако положение изменил Берен. К нему прибежал дориатский гонец и доложил, что в Дориате резня. Берен собрал разбредшихся и скорбящих военачальников (*the captains of the Grey-elves were cast into doubt and despair, and went hither and thither purposeless*), и у брода Сарн Атрад дал гномам бой, самолично убив правителя Ногрода. После этого боя до Ногрода не добрался ни один гном - немногих выживших в битве загнали в тёмные леса Эред Линдон Пастыри Древ (*There very many of the Dwarves were slain in the first onset; but some escaping from the ambush held together, and fled eastwards towards the mountains. And as they climbed the long slopes beneath Mount Dolmed there came forth the Shepherds of the Trees, and they drove the Dwarves into the shadowy woods of Ered Lindon: whence, it is said, came never one to climb the high passes that led to their homes.*).

Собственно говоря, этот конфликт стал фатальным для гномов Синих Гор: почти все они покинули Ногрод и Белегост и ушли в Туманные Горы, и вплоть до Третьей Эпохи Синие Горы не были заселены так плотно, как Туманные (об этом более подробно - в рассказе про Вторую Эпоху).

Теперь обратим внимание на восток и центр Средиземья: там,

в Туманных и Восточных горах, тоже жили гномы. И эти гномы столкнулись с людьми гораздо раньше, чем с эльфами-синдар, ушедшими из тонущего Дориата. В «Истории Средиземья» (том 12, глава 10) есть такое примечательное высказывание: «В древние дни Наутрим заселяли многие из гор Средиземья, и там они встретили смертных людей (как они говорят), задолго до того, как их узнали Эльдар; так и получилось, что языки истерлингов гораздо ближе к наречию гномов, чем к речи эльфов». Но это относится, со всей очевидностью, к гномам Восточных гор. Нас же больше интересует самый популярный и хорошо описанный род средиземских гномов - Долгобороды.

Очень точно и полно ситуация, которая сложилась с приходом людей в Эриадор и Рованион, описана в той же главе того же тома «Истории Средиземья»:

В те времена, когда люди переселялись с Востока и Юга, и в Белерианде появились их разведывательные отряды; немногочисленные, хотя дальше на восток в Эриадоре и Рованионе (особенно в северных областях) их племена уже заселили большую часть земли. Скорая встреча и завязывание отношений между людьми и Долгобородами были неизбежны, ибо, самый гордый из семи родов, Долгобороды были и самыми мудрыми и дальновидными. Люди относились к гномам с благоговением, и охотно учились у них; а Долгобороды охотно использовали людей для своих целей. Так в тех местах развилась экономика, характерная для отношений между гномами и людьми (включая хоббитов) и позже: люди стали основными поставщиками пищи, пастухами, земледельцами и скотоводами, а гномы в обмен на это работали строителями, шахтерами, прокладывали дороги, и изготавливали полезные инструменты, оружие и доспехи, и многие другие вещи большой ценности и мастерства. С большой выгодой для гномов, исчисляемой не только во времени потраченном на работу, хотя сначала, до того как люди стали мудрее и усовершенствовали свои собственные умения, гномы получали за свой труд и услуги товары, требовавшие более напряженной работы. Главным же преимуществом стало то, что они получили свободу беспрепятственно заниматься своей работой и оттачивать мастерство, особенно в металлургии, до тех замечательных высот, которых они достигли ко времени упадка царства Казад.

Долгобороды заселяли южные земли в долине Андуина и сделали Морию своим основным «царством» и крепостью; а также Железные горы на востоке, где находились их шахты - основной источник железной руды. Они объявили Железные горы, Эред Митрин, и восточные склоны Туманных гор своей собственностью. Но их атаковали орки Моргота. Эти атаки прекратились во время Войны Камней и Осады Ангбанда, когда Морготу требовались все его силы; но когда Моргот пал и Ангбанд был уничтожен, орды орков устремились на восток в поисках убежища.

А продолжение этой истории вы узнаете, когда мы будем говорить о Второй Эпохе.

Резюмируя всё вышесказанное, можно сказать, что Первая Эпоха была для гномов довольно спокойной, удачной и продуктивной: и в Белерианде, и в Рованионе, и в Эриадоре гномы вполне успешно налаживали торговые отношения, а также отношения союзно-политические - с людьми и, с меньшим успехом, с эльфами. Однако в конце Эпохи произошла настоящая катастрофа: гномы Синих Гор сильно уменьшились в числе из-за войска Дориата, а Долгобороды из Туманных Гор и Железных Холмов оказались под серьёзной угрозой нападения многочисленного войска ангбандских орков, эмигрировавших из тонущего Белерианда и лишившихся хозяина.

**Вторая Эпоха.
По обе стороны Гор. Последний Союз. Запирайте ворота!**

Вторая Эпоха стала для гномов не менее кровопролитной, чем Первая. В самом начале Эпохи через Эред Луин, Синие Горы, перевалило бывшее войско Ангбанда - орки Моргота.

Когда Моргот пал и Ангбанд был уничтожен, орды орков устремились на восток в поисках убежища. Хозяина у них теперь не было, и не было вождей, но вооружены они были хорошо, и они были многочисленны, жестоки, кровожадны и безжалостны в атаке. В последующих битвах орки превосходили гномов численно, и хотя гномы были наиболее доблестными воинами среди всех говорящих народов, союзу с людьми они были рады [Численность гномов росла медленно, а численность людей в дни мира и процветания - быстрее, чем даже эльфов].

Люди, с которыми гномы вступили в союз, большей частью принадлежали к тому же роду, что и высокий и светловолосый народ Дома Хадора. Эти люди, по всей видимости, двигались на запад, пока не достигли Великого Зеленолесья, а затем разделились: часть подошла к Андуину и затем отправилась на север к долинам; часть прошла между северными склонами Эред Митрин и Лесом. Лишь небольшая часть этого народа, уже довольно многочисленного и разделенного на множество племен, появилась в Эриадоре и в конце концов оказалась в Белерианде.

Это были чистосердечные, храбрые и верные люди, враги Моргота и его слуг; и сначала они с подозрением относились к гномам, опасаясь, что те были под Тенью (как они говорили) [Так как далеко на востоке они встречали тех, кто служил злу. [Эта заметка добавлена карандашом позднее. На предыдущей странице машинописного текста в то же время отец написал следующее, без ссылки на текст, но возможно, имея в виду упоминание (с.301) о пробуждении восточных родов гномов: «Увы, есть вероятность, что (как и люди позже) гномы дальних восточных королевств (и некоторых западных ?) подпали под Тень Моргота и повернулись к злу.]]. Но они с готовностью объединились с гномами, так как были довольно уязвимы к атакам Орков: они селились на отдельных фермах и в деревнях, а если и образовывали небольшие города, то оборона их ограничивалась рвом и деревянной оградой. Кроме того, люди были плохо вооружены, в основном луками, так как металла у них было мало, да и кузнецы их не обладали особым мастерством. Все это было улучшено гномами в обмен на то единственное, что могли предложить люди. Они умели приручать животных и научились коневодству, многие из них стали искусными и бесстрашными всадниками [Ни один гном добровольно не сядет на лошадь, и ни один никогда не приручал животных, даже собак.]. Верховые разведчики часто объезжали огромные территории и следили за передвижениями своих врагов; а если Орки собирались в открытый набег, то в ответ созывался большой вооруженный отряд верховых лучников, чтобы окружить и уничтожить их. Так союз гномов и людей Севера в начале Второй Эпохи мог выдвинуть огромную армию, быструю в нападении и упорную и хорошо защищенную в обороне, и так возрастало в тех местах между гномами и людьми уважение и почитание и возникала порой теплая дружба. («История Средиземья», том 12, глава 10)

Но это - по восточную сторону Туманных гор. С запада же, покидая тонущий Белерианд, постепенно приходили эльфы - в основном, нолдор. Были, конечно, и

синдар, и телери, но три самых сильных эльфийских государства начала Второй эпохи основали именно нолдор. Государства эти - королевство Гил-Галада, которое «расширилось к северу от залива Лун и включало в себя земли к востоку от Синих гор и к западу от реки Лун, до притока Малый Лун. (Дальше была территория гномов)» («История Средиземья», том 12, глава 10), Эрегион, где во времена дружбы с гномами правил Келебримбор, и Лоринанд (будущий Лориэн), королевство Галадриэли и Келеборна. Естественно, что с такими соседями гномам приходилось общаться довольно активно, ибо все три эльфийских государства находились неподалёку от гномьих владений. Что касается королевства Гил-Галада, то никаких свидетельств о торговле тамошних жителей и гномов Синих Гор не осталось. По вполне объяснимым причинам. Как говорится в «Неоконченных преданиях» («История Галадриэли и Келеборна», перевод ТТТ), «в нападении на Дориат участвовали лишь ногродские гномы, и все они погибли в бою у Сарн Атрад [см. «Сильмариллион»]. Гномы Белегоста были напуганы последствиями этого похода и вскоре ушли на восток, в Кхазад-дум». Поэтому можно считать, что к моменту образования государства Гил-Галада Синие Горы были уже пусты (а возможно, и заселены орками Моргота).

С Эрегионом и Лоринандом отношения гномов развивались куда более бурно.

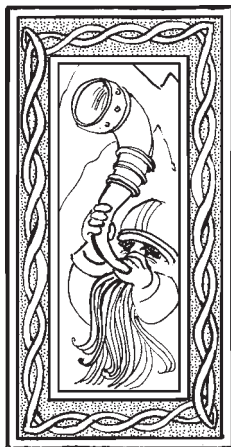
Приблизительно в 700 г. Второй Эпохи Келеборн и Галадриэль основали в Эрегионе нолдорское королевство. Быть может, Галадриэль выбрала это место потому, что оно было рядом с Кхазад-думом (Морией). Келеборн недолюбливал гномов, к какому бы племени они ни принадлежали (как он дал понять Гимли в Лотлориэне): он не мог им простить разорения Дориата. Как бы то ни было, Галадриэль оказалась дальновиднее Келеборна; она с самого начала чувствовала, что Средиземье может спастись от тени зла, оставленной на земле Морготом, только если все народы, противостоящие этому злу по мере своих сил, объединятся. К тому же Галадриэль смотрела на гномов как военачальник, а для войны с орками нет лучших бойцов. И, наконец, Галадриэль понимала души гномов и их страстную любовь к ремеслам лучше, чем большинство эльдар: ведь гномы - «дети Ауле», а она, как и другие нолдор, была в Валиноре ученицей Ауле и Йаванны. («Неоконченные предания», «История Галадриэли и Келеборна», перевод ТТТ).

Когда войска Саурона позже напали на Эрегион, гномы оказали Галадриэль неоценимую помощь: они позволили ей и Келеборну пройти через Кхазад-Дум, наиболее безопасным путём, в Лоринанд. Что характерно, Галадриэль этим предложением воспользовалась, а Келеборн - нет.

Однако самую сильную дружбу к гномам питал небезызвестный создатель эльфийских Колец Власти - Келебримбор.

Келебримбор был «не меньше гномов одержим своим ремеслом»; вскоре он стал главным мастером Эрегиона и близко сошелся с гномами Кхазад-дума; особенно подружился он с гномом Нарви. [В надписи на Западных вратах Мории Гэндальф прочел: *Im Narvi hain ehant: Celebrimbor o Eregion theithant i thiw hin* - «Я, Нарви,

сделал их. Келебримбор из Падуби начертал эти письмена» (“Братство Кольца”, II, 4)]. Эта дружба пошла на пользу и эльфам, и гномам: Эрэгион стал гораздо сильнее, чем был бы без помощи гномов, а Кхазад-дум гораздо красивее, чем был бы без помощи эльфов. («Неоконченные предания», «История Галадриэли и Келеборна», перевод ТТТ).

Более того, Келебримбор и его народ были удостоены одного из самых значимых гномьих подарков:

Они [гномы] понимали и уважали бескорыстную тягу к знаниям, и некоторым из поздних мудрецов Нолдор было позволено изучить и речь Гномов, и их язык жестов (WJ:395). Эти поздние мудрецы, очевидно, не так надменно относились к Кхуздугу, чем их коллеги в предыдущую эпоху, которые, за исключением Куруфина, избегали языка Гномов. (Helge K. Fauskanger, Ardalambion, «Кхуздуг - тайный язык гномов»; перевод - Drauger)

Один из самых забавных моментов дружбы народов Эрэгиона и Кхазад-Дум состоит в том, что письменность Мории и, впоследствии, Эребора - вовсе не гномья, а эльфийская.

Кроме того, они [гномы] так и не изобрели письменность [Говорят, что у них было собственное сложное пиктографическое письмо. Но они хранили его в строжайшем секрете.]. Однако они быстро осознали полезность эльфийской системы, когда завели дружбу с Эльдар, и те согласились обучать гномов. Это происходило в основном во время существования близких отношений Мории и Эрэгиона во Вторую Эпоху. Гномы [...] мало нуждались в письменности, но любили всевозможные надписи, вырезанные на камне. Для таких целей руны подходили замечательно, так как их создали именно для этого. Так, руны взял на вооружение род Долгобородов, и модифицировал их для собственного использования (особенно, для записи Куздула); и гномы оставались верны им и в Третью Эпоху, когда руны были забыты всеми, кроме мудрых среди эльфов и людей. На самом деле, многие считали, что руны изобрели сами гномы, и называли их «гномьими буквами» [Однако их нет в надписи на Западных Вратах Мории. Гномы говорят, что из вежливости к эльфам на вратах были использованы буквы Феанора, так как врата открывались в их страну и использовались в основном эльфами. Но Восточные Врата, разрушенные во время войны с орками, открывались в широкий мир, и не были такими «дружественными». На них были нанесены рунические надписи на разных языках: запрещающие заклинания на Куздуле, предупреждения о запрете входить без пропуска или разрешения Владыки Мории, сделанные на Квенье, Синдарине, Общем наречии, языках Рохана и Дэйла и дунландском.

[На полях напротив этого абзаца карандашом отец сделал пометку: N.B. Элронд в “Хоббите” сказал, что руны были изобретены гномами и написаны серебряными перьями. Элронд был полуэльф и хранитель знаний и истории. Так что или мы должны принять это расхождение, или исправить историю рун, допустив, что Ангертас Мория - в большей степени изобретение гномов. В заметках, связанных с этой статьей, он обдумывал это предположение, считая возможным, что на самом деле именно Долгобороды изобрели руны, и от них идею воспринял Даэрон, но так как

первые руны были плохо организованы (и отличались в разных кланах гномов), он свел их в логическую систему. Но, конечно, в Приложении Е (II) он утверждал очень твердо: «Кирт был изобретен в Белерианде Синдар». Даэрон из Дориата разработал «самую полную и упорядоченную форму» Кирта, алфавит Даэрона, и гномы переняли ее от эльфов Эрегиона, назвав Ангертас Мория. Таким образом, это несоответствие, если это действительно несоответствие, едва ли можно ликвидировать; но на самом деле его не было. Элронд объявил изобретением гномов «лунные руны» и их запись серебряными перьями (в конце главы «Краткий отдых»), а не рунный алфавит - как далее с облегчением объявил отец. Я упоминаю все это, чтобы проиллюстрировать озабоченность отца в связи с несоответствиями и несообразностями, даже если в данном случае его опасения оказались необоснованными. - О ранних записях относительно происхождения рун см. VII. 452-5.]. («История Средиземья», том 12, глава 10).

Мирное сосуществование подгорного и наземного народов подошло к концу в середине Второй Эпохи, с началом Эрегионской войны - одной из самых фатальных для гномов войн Средиземья. Гномы вновь приняли участие в войне, которую не начинали, - так же, как это было в Первую Эпоху с Пятой Битвой и Союзом Маэдроса, - и неожиданной атакой в переломный момент боя смогли спасти войско Элронда, пробывавшееся в Эрегион:

Он [Элронд] неминуемо был бы повержен, но тут на Саурона напали с тыла: Дурин выслал из Кхазад-дума армию гномов, и с ними шли лоринандские эльфы под началом Амрота. Так Элронду удалось спастись; но он был вынужден отступить на север. Саурон решил не преследовать Элронда, обратился на гномов и эльфов Лоринанда и отбросил их назад; но Врата Мории захлопнулись, и войти внутрь Саурон не смог. С тех пор он навсегда возненавидел Морию, и оркам было велено всячески преследовать гномов. («Неоконченные предания», «История Галадриэли и Келеборна», перевод ТТТ).

Судя по всему, Эрегионскую войну можно считать первой, положившей начало действительно великой вражде гномов рода Дьюрина и орков, приведшей к целой серии войн и захватов гномьих поселений в Туманных, Синих и Серых Горах. В итоге, гномы остались без прикрытия с запада: Эрегион был разрушен, и восстанавливать его никто не собирался. Несмотря на то, что нуменорцы нанесли Саурону поражение и заставили его покинуть Эриадор, говорится, что поражение в Эрегионской войне «обозначило конец Союза Долгобородов и Людей Севера. Люди, входившие в Союз [с гномами], были вовлечены в войну не только с Орками, но и со злобными чуждыми войсками людей. Саурон получил власть надо многими дикими племенами Востока (издавна развращенными Морготом), и теперь он принудил их искать себе земли и добычу на Западе. Когда прошла буря [Саурон был побежден нуменорцами и изгнан в Мордор, и долго не беспокоил Запад, но расширял свои владения на Востоке], Люди Союза уменьшились в числе и рассеялись, а те, кто задержался в своих прежних владениях, обнищали и жили большей частью в пещерах или на окраине Леса». («История Средиземья», том 12, глава 10)

После этого почти полтысячи лет гномов никто не беспокоит «по-крупному», однако в войне Последнего Союза гномы неожиданно выступают по обе стороны фронта:

All living things were divided in that day, and some of every kind, even of beasts and birds, were found in either host, save the Elves only. They alone were undivided and followed Gil-galad. Of the Dwarves few fought upon either side; but the kindred of Durin of Moria fought against Sauron.

[Все живые существа в тот день разделились, и каждый из народов сражался на обеих сторонах - исключением были эльфы. Только они одни не разделились и последовали за Гил-Галадом. Гномов в битве на обеих сторонах было мало; но народ Дьюрина Морийского сражался против Саурана] («Сильмариллион», глава «О Кольцах Власти и Третьей Эпохе»).

Объяснение этому факту даёт сам профессор Толкин, в примечании к десятой главе тома 12 «Истории Средиземья»: «Увы, есть вероятность, что (как и люди позже) гномы дальних восточных королевств (и некоторых западных?) подпали под Тень Моргота и повернулись к злу». Более того, именно «затемнение» восточных родов гномов заставило людей, пришедших в Рованион, относиться к Долгобородам с подозрением, «так как далеко на востоке они встречали тех, кто служил злу». Об этом же говорится в «Хоббите», и такая ранняя цитата может наводить только на одну мысль: изначально часть гномов представлялась Толкину «продавшейся злу»:

Они [гоблины] ненавидели всех без разбора, особенно порядочных и процветающих, а не то что питали именно к гномам особую ненависть. В некоторых местностях отдельные бессовестные гномы даже заключали с гоблинами союзы. («Хоббит», глава 4 «Через гору и под горой», перевод Н. Рахмановой)

Несмотря на то, что люди рассеялись и перестали быть гномам полезными союзниками, гномы не прерывают контактов с поверхностью. И как раз в конце Второй Эпохи рядом с владениями гномов появляются хоббиты:

В своем «доисторическом» прошлом они должны были быть примитивным, даже «диким» народом, но когда мы встречаем их, они уже (в различной степени) обладают многими умениями и навыками, полученными благодаря контактам с людьми, и в меньшей степени с гномами и эльфами. Обычные люди признавали их своими родичами, в то время как гномы и эльфы, неважно, дружелюбные или враждебные, были для них чужими, и отношения с ними складывались нелегко и были покрыты страхом. («История Средиземья», том 12, глава 10)

Более того, отношения гномов Мории и хоббитов Рованиона - далеко не такие недружественные, как в Третью Эпоху между выходцами из Мории и Эребора и уроженцами Шира: «Лапитулы в старину водили дружбу с гномами и долго прожили в предгорьях». («Властелин Колец», пролог)

Таким образом, Вторая Эпоха принесла гномам не только военные союзы и братьев по творчеству, но и очередной кровопролитный конфликт, который грозил затянуться очень надолго - ведь на гномов ополчился сам Саурон, а без помощи людей гномам стало непросто удерживать свои позиции. Третью Эпоху гномы, возможно, ждали с большим интересом, но вряд ли с трепетом и страхом: «На протяжении всех Темных Годов и времени владычества Саурана Мория сохраняла свое могущество; ибо, хотя Эрегион был разрушен, а Морийские ворота закрыты, залы и чертоги Хазад-дума были

столь глубоки и сильны, а народ - столь многочисленен и отважен, что Саурон даже и не пытался завоевать его. Потому долгое время богатство Хазад-дума лишь преумножалось, хотя народ начал уже увядать». (ВК, приложение А) Но признаки этого «увядания» проявились нескоро.

Третья Эпоха Позор и ярость. Одинокая Гора. Пламя Дракона

Итак, Третья Эпоха началась для гномов совсем не безоблачно: были потери главные торговые партнёры и военные союзники, со всех сторон гномьим поселениям в Туманных и Серых Горах и Железным Холмах угрожали орки Саурона, и не было надежды на то, что гномам удастся объединиться с кем-либо в эффективный союз, чтобы противостоять атакам орков:

Ибо, хотя Мория [после разрушения Эрегиона] и оставалась неприступной много веков, Орки снова собрали силы и под командованием слуг Саурона захватили горные поселения. Был взят Гундабад, оккупирован Эред Митрин и связь между Морией и Железными Холмами на время прервалась. («История Средиземья», том 12, глава 10)

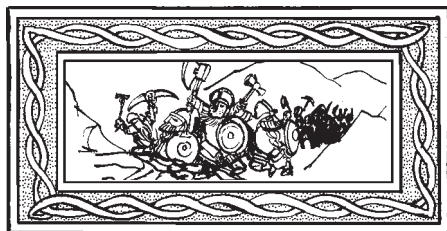
Более того, гора Гундабад почиталась гномами как место пробуждения Дьюрина и её «оккупация» в Третью Эпоху орками Саурона стала одной из основных причин великой ненависти гномов к оркам.

В отвергнутой части сноски 21 местом пробуждения предка Долгобородов была «долина в Эред Митрин» (Серые горы на дальнем Севере). До этого, разумеется, не было ссылок на древнее значение горы Гундабад. Эта гора появилась впервые в главе «Гроза разразилась» в Хоббите, где сказано, что гоблины «спускались с гор и выходили из долин, шагая по ночам или через туннели, пока под высокой горой Гундабад, где была их столица, не собралось огромное войско»; она показана на карте Диких Земель в Хоббите на самом северном конце Туманных Гор, там где они соприкасаются с Серыми горами. Во «Властелине Колец», Приложение А (III), Гундабад упоминается в описании войны гномов и орков в конце Третьей Эпохи, когда гномы «захватили и разрушили одну за другой все крепости орков, которые только смогли [обнаружить], от Гундабада до Ирисных Низин» (слово «обнаружить» по ошибке выпало из второго издания). («История Средиземья», том 12, глава 10)

Однако гномам, несмотря на разорванные внешние связи с людьми и эльфами (исключением был народ Лоринанда [Возможно, леди Галадриэль всё же не расторгла

союза с гномами - её королевство было единственным из трёх королевств нолдор, основанных в начале Второй Эпохи, которое не было разрушено и не распалось в результате войны Последнего Союза. - М.К.]), всё же удавалось противостоять атакам орков, и ни одно крупное и стратегически важное гномье поселение захвачено всё же не было.

Однако в середине Третьей Эпохи

начинается крайне сложный для гномов период. Для начала, при Дьюрине Третьем гномы, искавшие в недрах Туманных Гор митрил, пробудили балрога, неизвестно как туда попавшего (возможно, ещё до появления на свет гномов как вида).

И Дурин был сражен Балрогом, а потом и его сын Наин, и окончились дни славы Мории, и народ ее был уничтожен либо бежал далеко оттуда. Большинство ушло на север, а Траин, сын Наина, король по праву наследования, пришел в Эребор, к Одинокой Горе, что недалеко от восточных границ Лихолесья, и на время основал там королевство. («История Средиземья», том 12, глава 9 (IV)).

Таким образом, внук Дьюрина Третьего и его прямой наследник основал новое королевство и как бы «перенёс» Морию туда.

Однако, пробудив балрога, гномы Мории лишились не только своих чертогов, но и последних эльфийских союзников - эльфы Лориэна (по всей видимости, по приказу Келеборна) перестали общаться с гномами, и пускать гномов рода Дьюрина в Лориэн также запрещалось:

We have not had dealings with the Dwarves since the Dark Days. They are not permitted in our land. [У нас не было никаких дел с гномами со времён Тёмных Дней. Им не разрешено появляться в наших землях] (ВК, том 1, часть 2, глава 6 «Лотлориен»).

История Эребора довольно длинна и беспечальна: королевство развивалось успешно, однако внук Траина Глоин (то есть праправнук Дьюрина Третьего) «покинул Эребор и ушел далеко на север [очевидно, в Серые Горы], туда, где жили многие из его рода. Но случилось так, что на севере появились драконы, и они множились, и нападали на гномов, и уничтожали плоды их трудов и их богатства, и снова многие из гномов бежали, на юг или восток. Тогда Трор, сын Даина, пра-пра-правнук Траина, вернулся в Эребор и стал Королем под Горой». («История Средиземья», том 12, глава 9 (IV)).

Таким образом, гномьи поселения на севере оказались начисто разорены драконами, а многие гномы были убиты. Кроме того, Эребор теперь оказывался незащищенным с севера, но Короли-Под-Горой об этом пока что не волновались, поскольку у эреборцев появились новые, могучие союзники:

Его [Трора] народ процветал и жил в мире и дружбе со всеми окрестными Людьми. Ибо они [гномы] создавали не только удивительные вещи великой красоты, но и замечательное оружие и доспехи и постоянно обменивались рудой с родичами из Рудного Нагорья. К тому времени Северяне, жившие между Келдуином (Бегающей Рекой) и Карненом (Кровеносной) стали сильны и отбросили всех врагов с Востока; Гномы жили в изобилии, пировали и пели песни в Залах Эребора. (ВК, приложение А, перевод А. Горелика).

Однако не со всеми соседями отношения гномов складывались столь хорошо и гладко. В какой-то момент гномы Эребора ухитрились накрепко поссориться с Трандуилом, королём Лихолесского королевства:

Король эльфов когда-то заказал им драгоценные украшения, дав для этого золото и серебро, а потом отказался платить за работу. И тогда гномы, не получив платы, оставили украшения у себя. («Хоббит», глава «Пауки и мухи», перевод Н. Рахмановой)

С тех пор и до конца описываемой истории Средиземья отношения Трандуила и эреборцев так и остались напряжёнными, несмотря на союз в Битве Пяти Армий. Однако через почти 800 лет после основания «временного» королевства Эребор на это богатое гномье поселение нападает дракон Смог и полностью разрушает не только Подгорное Королевство, но и соседствующий с ним город Дэйл, построенный людьми - союзниками гномов:

Слухи о богатстве Эребора распространялись окрест и достигли ушей драконов, и, наконец, Смауг Золотой, величайший из драконов того времени, напал на Короля Трора, в пламени обрушившись на Гору. Скоро все царство было уничтожено, а близлежащий город Дол опустошен и разрушен; Смауг же проник в Великую Залу и возлежал там на золоте. (ВК, приложение А).

Впрочем, предпосылки для возрождения этих крупных поселений всё же оставались: во-первых, выжил Торин, внук Трора, последнего Короля-Под-Горой, а во-вторых, родичи жителей Дэйла жили в Озёрном Городе, Эсгароте, который тогда нападению дракона не подвергся (хотя позже Смог, как это явствует из текста «Хоббита», сжигал Эсгарот дотла).

Сложившаяся на севере ситуация в преддверии Войны Кольца могла оказаться фатальной: подступы к Лихолесью не были защищены ни людьми, ни гномами (Железные Холмы находились слишком далеко, чтобы обеспечить эльфам защиту), а это значило, что единственным барьером между восточными войсками Саурона и мирными землями Эриадора были только два небольших эльфийских поселения: королевство Трандуила и Лориэн.

В итоге освобождение Эребора и поражение орков в Битве Пяти Армий стало стратегически важным моментом в защите от атак Саурона: и орочье войско ослабло (значит, пропала угроза с севера), и Лориэн с Лихолесем стали вторым рубежом защиты, а основной натиск северного войска Саурона приняли на себя Эребор и Дэйл.

Собственно, это сражение закончилось удачно, однако Даин, наследовавший Торину Дубошиту, погиб.

После этого некоторые гномы Эребора ушли в Морию и в Блισταющие Пещеры Агларонда (вместе с Гимли). Мория к тому времени уже была освобождена от орков - незадолго до освобождения Эребора в битве при Азанулбизаре (Нандухирионе). Однако в тот момент гномы не смогли удержать Морию и отступили в Эребор. И всё же, численность морийских орков значительно поуменилась. После «реставрации» Мория снова стала великим королевством гномов:

And the line of Dain prospered, and the wealth and renown of the kingship was renewed, until there arose again for the last time an heir of that House that bore the name of Durin, and he returned to Moria; and there was light again in deep places, and the ringing

of hammers and the harping of harps, until the world grew old and the Dwarves failed and the days of Durin's race were ended.

[И род Даина процветал, и богатство и слава его народа преумножалась, пока не восстал вновь в последний раз наследник Дома, что носит имя Дьюрина, и он вернулся в Морию. И вновь в глубинах её вспыхнул свет, и звенели молоты и играли арфы, пока мир не постарел, а гномы не сгнули, и дни народа Дьюрина окончились.] (*История Средиземья*, том 12, глава 9 (IV))

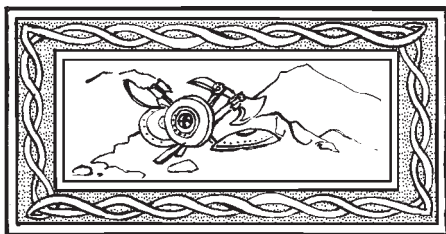
Таким образом, в начале Четвёртой Эпохи у гномов появилось одно новое поселение в Белых Горах, была восстановлена Мория, укреплён Эребор и Железные Холмы, а также продолжали развиваться поселения в Синих Горах, жившие в конце Третьей Эпохи в основном торговлей с хоббитами:

Ты мало знаешь народ Ши́ра, Глоин. Думаю, ты считаешь их простаками, потому что они щедры и не торгуются, и полагаешь, что они мягкотелы, потому что они никогда не покупали у тебя оружия (*Неоконченные Предания*, глава «*Поход к Эребору*»).

Резюмируя, можно сказать, что Третья Эпоха оказалась для гномов довольно волнительной, но, с другой стороны, стимулирующей развитие всего народа в целом - изменились места поселения, изменилась роль отдельных поселений, наладились новые, до этого не развивавшиеся контакты (скажем, с хоббитами или с эльфами Лихолесья). И что самое приятное - Третья Эпоха, в отличие от остальных, не сулила гномам никаких скорых кризисов, будь то кризисы военные или политические.

Примечания

1. Посчитано по данным статьи «Эпохи и летосчисление. Первая Эпоха» из Энциклопедии «Арда-на-Куличках»
2. Здесь и далее перевод из «Сильмариллиона» хоть корявый, да мой
3. Далее по тексту видно, что речь идёт о Кхазад-дум, но эту часть текста я опустила.

Джон Гарт

**Толкин, Эксестер-колледж
и Великая Война**

**Перевод Марии Семенихиной
(окончание. Начало в №58)**

Куллерво и Коэн

Почувствовав прилив новых сил, Толкин взялся за изложение прозой в стиле Морриса версии истории Куллерво из финской мифологической поэмы «Калевала» (62). Это была темная история о темных временах, из которой, как из семени, проросла история Турина Турамбара, которой суждено было разрастаться в последующие годы. Странно, что в этом сказании о дерзком юноше, беглом рабе, который невольно соблазняет собственную сестру и этим подталкивает обоих к самоубийству, настолько увлекло воображение пламенного римо-католика, что тот потратил на его переписывание всю оставшуюся жизнь. Самыми привлекательными чертами «Калевалы» для Толкина были звучание финских имен, первобытная простота и дух Севера. Возможно, сначала образ героя-бродяги Куллерво показался Толкину притягательным благодаря его юношеской романтике и безысходности: Толкин тогда переживал долгую и вынужденную разлуку с Эдит Брэтт. Смерть родителей Куллерво, возможно, также отозвалась эхом в сердце осиротевшего Толкина.

Возможно также, что Толкин имел в виду инцидент, приключившийся в Эксестер-колледже, когда по всему миру за его стенами разносились вести о гибели капитана Скотта и его полярной экспедиции. Стипендиатом одного с Толкином года зачисления, и, видимо, его единственным предшественником в изучении английского языка, был некто Сидни Абрахам Коэн из Лондона. Тихий, но общительный, он хорошо играл в теннис и, по словам его друга Генри Олпасса, был «крепко начитан» (a hard-reading man); также он любил работать по ночам. Однажды, в феврале 1913 года, в понедельник вечером, Коэн пригласил Олпасса к себе, и после нескольких минут разговора подошел к письменному столу - якобы за мундштуком для сигареты. Он вытащил из ящика револьвер и некоторое время играл с ним, то и дело приставляя его к голове и произнося: «Хотел бы я набраться смелости, чтобы застрелиться». Олпасс велел ему положить оружие, но не принял его полностью всерьез, так как Коэн часто говорил такие вещи и раньше. Стоя перед камином, Коэн внезапно еще раз поднес оружие к голове и выстрелил. Доктор, которого вызвал Олпасс, обнаружил Коэна сидящим на диване, с револьвером у ног, с кровоточащей раной в виске; он говорил что-то

бессвязное и умер через несколько минут. Во время дознания в зале Эксетер-колледжа на следующий день казначей сказал, что Коэн всегда казался веселым, и ничем по своему поведению не отличался от других студентов. Однако Олпасс показал, что за две недели до этого отговорил от самоубийства Коэна, находившегося в глубокой депрессии - как раз в тот день и для этой цели Коэн и купил револьвер. Коэн, напротив, высказывал теорию, что самоубийство оправдано, если кончаешь с собой, когда счастлив. Следственная комиссия во главе с Джексонем (на этом посту все еще исполнявшим обязанности ректора) и включавшая Фарнелла, Барбера и других преподавателей, вынесла вердикт «самоубийство в состоянии помрачения рассудка», а коронер отчитал Олпасса за то, что тот раньше не сообщил другим о покушении Коэна на самоубийство (63). (Для Толкина, писавшего «Историю Кулперво», этот странный и трагический случай, возможно, стал первым столкновением с самоубийством лицом к лицу).

Эрп

Работая над этим сказанием в конце 1914 года, Толкин пылко восторгался «Калевалой» перед еще одним своим соседом по обеденному столу на юбилее колледжа. В письме к Эдит он называет его «этот чудак Эрп, о котором я тебе рассказывал» (64). Субректор высказался о Томми Эрпе куда менее церемонно; напротив его фамилии в списке провалившихся на экзамене он сделал краткую приписку: «Урод» (65). Действительно, Эрп - единственный сын богатого члена парламента от партии либералов (на тот момент покойного) - был гомосексуалист или бисексуал, и о нем писали как о «последнем, самом очаровательном и остроумном из декадентов» (66). Война вынудила Эрпа, некогда весьма застенчивого чудака, искать себе приятелей за стенами Эксетер-колледжа, и он постепенно превращался в завсегдатая компаний. Вскоре он уже принимал на правах хозяина в своих комнатах на Бомон-стрит (в двух шагах от Сент-Джон-стрит) новый студенческий поэтический кружок Coterie, в который входили Олдос Хаксли и будущий коллега Толкина по Лидскому университету Уилфред Роланд Чайлд и на заседании которого Т.С. Элиот впервые перед английской аудиторией прочитал вслух свою «Любовную песню Дж. Альфреда Пруфрока» (67).

Благодаря упоминанию Толкина Т.В. Эрп получил бессмертие на страницах Оксфордского словаря английского языка в качестве «the original twerp» (забавного олуха) (68). Эти двое, казалось, были просто несовместимы. Они вступали в схватку во время дебатов в колледже - как, например, однажды в Стэплдонском обществе в 1912 г., когда Толкин вместе с Сидни Коэном дискутировал на тему «Сия Палата оплакивает знаки упадка нынешнего века», но был побежден Эрпом; или как в 1913 г., когда Толкин выступил в поддержку тезиса, что «дешевый кинематограф есть средство разложения общества» - и снова проиграл Эрпу (69). И сейчас, когда почти все друзья Толкина исчезли из колледжа, этот эстет, который так и не пошел в армию, стал благодарной аудиторией для панегириков финскому эпосу; и они обедали вместе, особенно как раз перед тем, как в ноябре Толкин прочел вслух «Путешествие Эаренделя» в качестве «неофициального последнего «прости»» в Эссеистском клубе (70).

Общества колледжа во время войны

Таким образом, понуждаемые ректором Фарнеллом, Толкин и несколько его сотоварищей по учебе пытались поддерживать работу обществ колледжа - пульс жизни Эксетера. Стэплдонское общество - ныне лишь бледная тень самого себя - рассылало письма поддержки бельгийскому королю Альберту и Уинстону Черчиллю, первому лорду Адмиралтейства (71). В записке, поражающей своей сюрреалистической обыденностью, Толкину было дано задание обсудить давнишний вопрос о повторном ремонте т.н. Junior Common Room (зала для студенческих собраний) с отцом Остина Бломфилда, сэром Реджинальдом, архитектором, который проводил реконструкцию зала колледжа к его шестисотлетию, а позже проектировал мемориал «Мененские ворота» в Ипре [триумфальная арка (1927) - памятник жертвам Первой мировой войны]. Но студентам заявили, что война требует отказа от такой непозволительной роскоши, как повторный ремонт, и субректор (Э.А. Барбер) сказал Толкину, что студенческие мероприятия излишне затратны, и поэтому воспрещаются (72). Тогда Толкин в шутку начал подбивать новичков на то, чтобы не принимать ванну, так как, «без сомнения, - говорил он, - это экономия и демонстрация благих намерений в наше непростое время»; также он пытался привлечь интерес своих сотоварищей к обсуждению излюбленной темы «В поддержку реформы правописания» (73). Приподнятое настроение помогало пережить стущающийся мрак, и немало веселья было вызвано решением муниципальных властей снять в Оксфорде трамвайные рельсы. Эрп провозгласил, что это символизирует разрыв с прошлым, а Стэплдонское общество обратилось с петицией к городским чиновникам подарить хотя бы часть рельсов им, «в знак связи с прошлым, по уместному выражению м-ра Толкина» (74). Когда просьба была удовлетворена и в колледж привезли семифутовый кусок рельса, студенты пришли в неистовство:

«Бурлящий поток остроумия перешел в индейский боевой клич. Сразу после этого первокурсников отрядили за рельсом. В путь пустилось праздничное шествие во главе с выбранными должностными лицами (которые, впрочем, рельс не несли). За ними достойными останками следовало Общество, выражая им величайшее (если не сказать преувеличенное) почтение. Каждого появляющегося во дворе колледжа м-р Роджерс приветствовал радостными воплями. По прибытии в свою «летнюю резиденцию» сей символ был окрещен «Души Вау-вау» путем разбития об него бутылки шампанского рукою назначенного председателя» (75).

На другом собрании, в ноябре 1914 года, один из студентов-американцев, Генри Ферст (которого субректор аттестовал как «никчемного и вредного»), попотчевал Стэплдонское общество изумительным, но хвастливым отчетом о своей вылазке в университетский городок Лувен в Бельгии после его захвата немцами. «М-р Ферст представил отчет о своих героических деяниях в Лувене. Он со своим другом-журналистом прибыл на место, как раз когда город уже пылал. Очень вовремя. На рыночной площади они встретили четырех девушек - и прехорошеньких. Тоже

вовремя. Немецкий солдат подарил м-ру Ферсту канарейку, которая вырвалась на свободу и, будучи континентальной канарейкой, направилась в самое теплое место - в горящий дом, откуда и была спасена м-ром Ферстом посреди радостных кликов бельгийского поселенца, рядового-ландштурмовца и мистера Доу (Daw) [на самом деле фамилия спутника Ферста была До - Dawel]. Председатель пожаловал м-ра Ферста орденом Железного Креста в знак уважения» (76). (Корреспонденция в «Таймс» друга-журналиста, Э. Дж. До, содержит куда больше информации о положении в Бельгии: двое штатских искателей приключений видели, как дома вспыхивали факелами, их обитатели падали замертво под выстрелами, пытаясь спастись бегством, а дети бродили среди груд мертвых тел (77)) Позднее на том самом заседании, где Ферст делал свой отчет, Толкин попытался оспорить тезис «Общество осуждает идеал национализма». Возможно, неудивительно, что в свете того, что немецкая националистская гордость творила в Бельгии, аргументы Толкина в пользу национализма оставили Общество равнодушным, и оно в абсолютном большинстве (две трети участников) встало на сторону антинационализма (78).

Национальный миф, финский язык и Квеня

И все же идеал национализма у Толкина не имел ничего общего с имперской мощью, топчущей слабых. Толкин полностью был на стороне Бельгии и против германской агрессии. Как сам он объяснял свой идеал в то время, «Я не поддерживаю Deutschland über alles, но я за норвежское Alt for Norge [все за Норвегию]». (79) Для него величайшей целью нации была не власть над другими, а культурная самореализация. Действительно, в «Калевале» его привлекало в основном то, что это национальный миф, воплощение связанных между собой культурных ценностей и представлений при помощи поэтического языка. Финский национальный миф усилил желание Толкина создать параллельный национальный миф для Англии (80). Через несколько дней после дискуссии о национализме он снова взял в библиотеке колледжа «Граматику финского языка» Элиота и ушел в нее с головой на все рождественские каникулы. Если посмотреть на все эти разрозненные и мимолетные события в ретроспективе, можно проследить, как они направляли Толкина к ключевому открытию всей его творческой жизни, как он описывал его позже: «что «легенды» зависят от языка, на котором они сложены; но и живой язык в равной степени зависит от «легенд», которые он передает по традиции». Свидетельства правдивости этого утверждения - спешное словотворчество и распространение слухов, неизбежные спутники войны - просто носились в воздухе. Это открытие дало творению Толкина новую жизнь: он теперь изобретал не только язык, как он это делал раньше (причем не слишком умело), но и целый мифологический мир, в котором существовал этот язык (81). Так появились и Квеня, и Эльдар, а с ними и Средиземье. Отсутствие столь многих друзей, в сочетании с приближением выпускных экзаменов (всегда хороший предлог улизнуть с занятий) и необходимостью военного времени дорожить каждым днем, без сомнения, способствовали внезапному расцвету творческих сил Толкина в 1915 г.

Новые горизонты

Ключевую роль в «огромных открывающихся горизонтах», как говорил сам Толкин, сыграли его прежние товарищи из Школы короля Эдварда, члены Ч.К.Б.О., которые в своем кругу читали и комментировали стихи Толкина. (82). Однако непосредственной аудиторией был Эксетер-колледж, где на заседаниях Эссеистского клуба Толкин читал не только «Странствие Эаренделя Вечерней Звезды», но также, в конце весеннего семестра, свое старое стихотворение «Прибой», исправленное и получившее новое заглавие «Морская песнь Древних дней», и, возможно, другие стихи, о которых не сохранилось сведений (83). Некоторые слова, связанные с колледжем, даже появляются в его словаре языка *Qenya* (прото-Квенья), из которого Толкин заимствует названия для ряда мест, имеющих особое значение в жизни Толкина, на территории Англии - или Тол Эрессеа (*Tol-eressea*), Одиноким Острове (мифическое название для Англии, которое изобрел Толкин). Так, *Kor* - это Уорик, где жила Эдит, а *Taruktarna* - сам Оксфорд; но *Estirin*, или Эксетер, удостоился попадания в лексикон не потому, что Толкин испытывал какие-то чувства к этому девонширскому городу, но - что вполне ясно - потому, что в его честь был назван его колледж (84). А «странный» друг Толкина Т.У. Эрп оказался полезен тем, что в качестве редактора журнала *Oxford Poetry* в 1915 г. отвечал за самую раннюю публикацию фантастического произведения Толкина - «Шагов гоблинов», вызвавших столько насмешек (85).

«Прости-прощай всему тому»

В конце курса обучения в Эксетере Толкин опять «совершил налет» на библиотеку колледжа, взяв оттуда «Кембриджскую историю английской литературы» (*Cambridge History of English Literature*), а также краткое изложение творчества Драйдена, Китса и Шекспира: названия книг недвусмысленно указывают, изучением каких именно авторов Толкин до этого пренебрегал. В течение недели - начиная с четверга, 10 июня - Толкин сдавал выпускные экзамены, или *Schools*, вместе с другими 24 соискателями, сдававшими английский как профилирующий предмет, со всего университета; несмотря на всю свою прежнюю леность и недавние неуместные вспышки творческой активности, Толкин оказался одним из четверых, получивших «первую степень» (86). Затем, поддавшись давлению, которое он испытывал уже почти год, он съехал с квартиры на Сент-Джон-стрит, которую делил с Колином Калписом, и «ринулся» в армию (87). Кажется, до конца войны Толкин возвращался в Оксфорд только один раз - за шесть дней до женитьбы - на церемонию вручения дипломов, которая оказалась так надолго отложена, 16 марта 1916 г. (88). В тот день он начал

писать нехарактерное для себя очень личное стихотворение «Верность странника» (*The Wanderer's Allegiance*), адресованное военному Оксфорду - лишь тени того веселого, беззаботного университета, погруженного в науку, полного молодежи, каким Толкин его знал до 1914 года:

*Ты слышишь! Умолкает смех людей,
Война похитила твоих детей ...*

Посреди трагедии войны герой вспоминает об утраченном студенческом братстве, и видение прошлого пронизывает настоящее - как будто «прежние дни снова ожили», и в темных комнатах ушедших на фронт студентов снова горит свет:

*Я вижу в окнах прежний свет огней.
Людей ушедших лампы там горят...*

[пер. И. Лисицкой] (89)

Этот образ напоминает один из самых известных эпизодов «Властелина Колец», написанный тремя десятилетиями позже - «Гиблые болота», в котором снова горят призрачные свечи, зажженные воинами, не вернувшимися с войны. Через три месяца сам Толкин сражался в битве на Сомме.

Оксфорд после войны

После дня заключения мира в 1918 г. Толкин, все еще армейский офицер, но уже официально получивший свободу выбирать, чем ему заниматься дальше, попросил оставить его в Оксфорде «в целях завершения образования» (90). Он снова поселился на Сент-Джон-стрит, на сей раз с Эдит и годовалым сыном Джоном, и получил работу лексикографа в Оксфордском словаре английского языка. Вскоре он начал подрабатывать тьютором [руководителем учебного процесса и самостоятельной работы студентов; стандартный русский перевод «наставник» нам кажется не совсем правильным] - в основном у студентов, а также регулярно «обчищал» библиотеку Эксетер-колледжа, читая в основном фундаментальные справочные работы по английскому языку и литературе, а также тексты Чосера и «Сэра Гавейна и Зеленого рыцаря» (91). Он оставался почетным членом колледжа и продолжал участвовать в работе его обществ. В 1918 г. количество студентов колледжа упало до 7 человек, почти все они были иностранцы и почти все не имели права избираться на какие-либо должности из-за своих военных обязанностей, хотя и регулярно подавали заявления; но в то время поток студентов уже хлынул из армии, и среди них - новички, «с болью осознававшие, что заступают на место мертвых», по словам одного историка (92).

Военные потери Эксетера

Так как друзья Толкина происходили из того социального класса, который поставляет армии младший комсостав, война сильно проредила их ряды - как близких, так и

случайных, как школьных, так и университетских (93). Из 57 студентов одного с Толкином года зачисления на войне погибло 23 - по 2 из каждых пяти. Из 771 учащихся Эксетера, которые служили в армии, был убит 141 человек - что равняется количеству студентов на двух с половиной курсах по довоенному уровню зачисления. В свое время сэр Реджинальд Бломфилд воздвиг в капелле колледжа военный мемориал, на котором записаны все их имена. Четыре пятых из них погибло во Франции или в Бельгии, в том числе девять - в битве при Лоосе в 1915 г. и десять - на Сомме в первый месяц битвы в 1916 г. (94). Из 17 студентов, которые сидели за одним столом с Толкином на обеде по случаю шестисотлетия колледжа в канун войны, к концу 1919 года восемь либо погибло на войне, либо умерло от «испанки», эпидемия которой шла за войной по пятам. Из «аполаустиков» Аллен Барнетт отслужил два года в американской армии и вернулся преподавать в Кентукки; он переписывался с Толкином во Вторую мировую войну и посылал ему посылки с продуктами в суровые 1940-е (95). Гарри Сибри Прайс, капитан Вестминстерских стрелков Ее Величества, вернулся домой работать на Лондонской фондовой бирже. Но Майкл Уиндл, «которого мы долго будем помнить, - пишет *The Stapeldon Magazine*, - как сильнейшего гребца, упорнейшего труженика, высокого и прекрасного молодого офицера», был убит под Лоосом 25 сентября 1915 г. (96). За день до этого он писал своим домашним:

«Мы прибыли сюда вчера, и весь день я слушал самую громкую канонаду в своей жизни. Хотел бы я дать вам хоть какое-то представление о ней. Преобладает в ней звук, напоминающий мерный стук парового двигателя. Но время от времени в него вторгается то гром пушечного выстрела, то взрыв снаряда, а пролетающие мимо снаряды воют, как ветер в кронах деревьев»

Уиндл даже в должности второго лейтенанта Девонширского полка оставался филологом-классиком:

«Фукидид - джентльмен, правдивость которого я в полной мере оценил только сейчас. В своем описании последней отчаянной попытки афинян вырваться из Сиракуз [имеется в виду описанный древнегреческим историком Фукидидом в 7-й книге «Истории Пелопоннесской войны» неудачный поход афинского войска под предводительством стратега Никия и Демосфена в 413 г. д.н.э. на Сиракузы, который кончился тем, что афиняне были блокированы сиракузянами и их союзниками с суши и с моря и после тщетных попыток выйти из окружения в конце концов вынуждены сдать в плен] он рассказывает, как командиры наставляли и ободряли своих солдат до последнего момента, всегда находя слова для совета и все время желая сказать больше, но чувствуя, что никакие слова здесь не подходят. То же самое и у нас. Мы все даем своим людям инструкции, но при этом вечно что-нибудь случается, и нам остается только играть свои крохотные роли в Армагеддоне!»

Это письмо было опубликовано в «Таймс» через несколько недель после смерти Уиндла с приложением отрывка его стихов - плача по утраченному прошлому (97). Первым студентом, поступившим в Эксетер на стипендию, назначенную в помощь сыновьям и братьям погибших на войне студентов колледжа, был младший брат Майкла - Г.Э. Дж. Уиндл. (98). В феврале 1919 г. грипп-«испанка» и подхваченный в Салониках тиф унесли жизнь Массии-Палмера, у которого остались жена и маленькая дочь. Даже Колин Каллис, негодный к строевой, который служил военным переводчиком, прожил после войны недолго: он умер в Лондоне от пневмонии, - осложнение после той самой «испанки» - сразу после того, как Толкин демобилизовался в июле 1919 г. (99). Из прочих студентов Эксетера, упомянутых в статье, Лайонел Томпсон и

католик Тони Шекспир оба дожили до седины: Томпсон в должности главного директора и инспектора Королевского Монетного двора, а Шекспир - адвокатом в Бирмингеме. Эстет Т.У. Эрп стал влиятельным художественным критиком, но, по мнению некоторых, способен был на гораздо большее и растратил свой дар впустую; драчливый Остин Бломфилд по примеру своего знаменитого отца стал архитектором; лувенский искатель приключений Генри Ферст хотя и по-прежнему считался безумцем и негодяем, с которым лучше не иметь дела, однако оставил после себя несколько художественных переводов с итальянского (100). Но штабс-капитан Тревор Олифант пропал без вести вместе со всем своим пятым Норфолкским батальоном под Галлиполи 12 августа 1915 г (101). Второй лейтенант Генри Олпасс, на глазах у которого в 1913 г. покончил с собой Сидни Коэн, также пропал без вести на Сомме в сентябре 1916 г., и его имя выгравировано на Типвальском мемориале [*памятник пропавшим без вести в битве на Сомме британским солдатам близ деревни Типваль во Франции*], вместе с именами других 70 000 солдат Британии и Британского Содружества, чьи тела так и не были найдены (102).

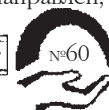
Наследие Толкина

В своей недавней работе о роли колледжа в Первой мировой войне эксетерский преподаватель истории Джон Мэддикотт пишет:

«Те, кто служил, не стремились предавать огласке свой военный опыт, и Эксетер не породил своих Грейвсов, Сассунов или Бланденов [*Р. Грейвс, З. Сассун и Э. Бланден - писатели и ученые, выпускники Оксфорда, участники Первой мировой войны, авторы военных мемуаров*]; однако и он дал армии одного-двух младших офицеров из числа тех, что выросли на Горации и Проперции [*римские поэты «золотого века», известные неприязненным отношением к войне*] и с тоской писали о доме, семье и родине в бесчисленных коротких стихах, что более свойственно военному времени» (104)

Одним из таких малых поэтов был Олпасс, другим - Г.Р. Фрестон. Но доктор Мэддикотт забыл упомянуть еще одного поэта-воина из числа эксетерских выпускников - Дж. Р. Р. Толкина, автора весьма своеобразного, который, собственно, и не внес никакого вклада в поэзию о Первой мировой войне, ни грустно-ностальгического, ни горько-иронического. Тем не менее, на творчество Толкина война наложила свой отпечаток.

В Эксетер-колледже во время войны Т.У. Эрп «поставил себе цель поддерживать жизнь оксфордских традиций в мертвые годы» (как говорил Роберт Грейвс), сохраняя записи протоколов многих обществ, которые впали было в спячку, но постепенно пробуждались (104). Теперь в Оксфорде появилось много молодежи, желавшей возродить его интеллектуальную жизнь после войны. Эссеистский клуб в июне 1919 г. снова выбрал Толкина на пост Критика, а 10 марта 1920 г. было организовано первое публичное чтение отрывка из легендариума. Среди слушателей были Невилл Когхилл и Хьюго Дайсон, позднее ставшие членами клуба Инклингов. Именно Когхилл, испытывавший искреннее благоговение перед академическим и военным опытом Толкина и его зарождающейся славой лексикографа и историка языка, и был направлен,

чтобы попросить Толкина выступить. Позже он так вспоминал об этой встрече:

«Он выговорил быстро и резко, по своему обыкновению: «Да, конечно». Иногда было невероятно трудно понять, что он сказал, потому что он говорил с большой скоростью и не делал пауз между словами. Тогда я спросил: «А как будет называться Ваша работа?» Он поспешно ответил: «Падениегондолина». «Простите?» - переспросил я. «Падениегондолина», - повторил он. «Падение... Гондолина?» - произнес я. «Да, совершенно верно». Я так и записал, хотя никогда раньше и не слышал, как вы понимаете, ни о каком Гондолине, и просидел целую неделю в Бодлеанской библиотеке, чтоб выяснить, что это за Гондолин, но, разумеется, нигде о нем не было ни слова» (105)

Это был первый прозаический мифологический нарратив Толкина, военный эпос, который очистительным потоком излился из-под его пера в госпитале и в отпуске по болезни после битвы на Сомме в конце 1916 г. Протокол встречи, которая последовала за приглашением Когхилла, отражает то смешанное настроение восторга и недоумения, которое охватило членов Эссеистского клуба:

«Развитие нового мифологического сюжета в сочинении м-ра Толкина было весьма обстоятельным и обнаружило в нем стойкого приверженца традиций, будучи вполне в стиле таких типичных романтиков, как Уильям Моррис, Джордж Макдональд, де ла Мотт-Фуке и т.д. Мы также пришли к заключению, что знакомство докладчика со скандинавскими сагами и легендами велико... Битва противоборствующих сил, представленных Гонготлином (Gongothlin) и сторонниками Мелко, была очень живо и захватывающе описана, с привлечением обилия весьма интересных деталей» (106).

Любопытно, что здесь не видно никаких попыток отождествить мифическую войну с реальной; и все же до сих пор многие специалисты по Толкину делают такую ошибку. Тем не менее, едва ли Толкин стал бы Толкином без военного опыта; его произведения хотя и не отражали этот опыт непосредственно, но были созданы под его сильным влиянием. В этот опыт входили не только служба в армии или муштра в лагере, но и последний год студенческой жизни - первый год Великой войны, в который зародилось Средиземье. За вычетом четырех месяцев на Сомме в 1916 г., когда работать было практически невозможно, Толкин в творчестве всю жизнь шел по тому пути, который начался в Эксетер-колледже.

Данная временная версия статьи опубликована здесь (<http://www.johngarth.co.uk/>) с разрешения Стрэтфорда Колдекотта, издателя материалов Оксфордской Толкиновской конференции, в которых будет помещена более полная версия статьи [Впоследствии была издана в: Tolkien's The Lord of the Rings - Sources of Inspiration. - Cormarë Series, No. 18].

Цитаты из архивов Эксетер-колледжа приводятся благодаря ректору и преподавателям Эксетер-колледжа; цитаты из работ Дж. Р.Р. Толкина приводятся с любезного позволения Tolkien Estate; цитаты из сочинений Т.У. Эрпа - благодаря Галерее Тейта. Автор также выражает благодарность Кристоферу и Присцилле Толкинам за их комментарии.

Примечания

(62) Судя по Letters (с. 7), Толкин работал над своей «Историей Куллерво» (Story of Kullervo) в октябре 1914 г.. В письме У.Х. Одену, датированном 7 июня 1955 года (Letters, с. 214-215), Толкин вспоминает, что начал это сказание в 1912 или в 1913 г., но, проводя эти ретроспективные подсчеты спустя много лет после самих событий, он был склонен сообщать более ранние даты для своих текстов, чем те, что даются в современных им источниках.

(63) «Самоубийство оксфордского студента» (Suicide of an Oxford undergraduate), The Times, 19 февраля 1913 г., с. 8; «Роковой выстрел в Эксетер-колледже» (Shooting fatality at Exeter College), The Oxford Times, 22 февраля 1913 г., с. 13. На дознании 18 февраля присутствовали двое представителей Стэплдонского общества, которые просили студентов выразить соболезнование семье Сидни Коэна. В протоколах общества эти события не отражены. Новость о гибели капитана Скотта пришла 11 февраля.

(64) Letters, с. 7; написано, возможно, в октябре 1914 г.; подписанное меню из бумаг Э.А. Барбера (любезно предоставлено Нейлом Холфордом).

(65) Записи субректора, архивы Эксетер-колледжа. Провал Эрпа на пересдаче Divvers - обязательного для всех студентов Оксфорда экзамена по богословию - обеспечил ему продление срока обучения; воинской повинности он избежал благодаря «своему уникальному таланту дергать бровями, морщить нос и шевелить ушами; когда его вызвали, он продемонстрировал эти свои способности с таким блеском, что трибунал признал его негодным к службе» (Dodds, с. 41).

(66) По крайней мере, Эрп был гомосексуалистом или бисексуалом в начале 1920-х гг., в бытность свою одним из любовников одухотворенного поэта Роя Кэмпбелла. См. Peter F. Alexander, "Campbell, (Ignatius) Royston Dunnachie", Dictionary of National Biography, т. 9, с. 858. В письме сыну Кристоферу от 6 октября 1944 г. (Letters, с. 95), Толкин отмечает (эвфемистически), что Эрп «общался» с Кэмпбеллом в 1920-е гг. См. тж.: <http://www.etymonline.com/index.php?term=twerp>.

(67) Рукописи Эрпа; Dodds, с. 40. В этом мемуарном наброске Эрп вспоминает, что в Эксетере он «сделался «публичным оратором», как оправдание того, что ходил в лохмотьях, и научился бить противника его же оружием, что стало решающим моментом в моей жизни». Т.С. Элиот был в Оксфорде с октября 1914 по июнь 1915 г.

(68) Letters, с. 95

(69) Отчеты о заседаниях 4 марта 1912 года и 2 марта 1914 года, протоколы Стэплдонского общества.

(70) «Эарендель» был прочитан в Эссеистском клубе 27 ноября 1914 года; см. Letters, с. 7-8.

(71) Отчет о заседании 20 октября 1914 года, протоколы Стэплдонского общества.

(72) Протокол заседания Стэплдонского общества, 27 октября 1914 г.; The Stapeldon Magazine, декабрь 1915 г., с. 132

(73) Отчет о заседании 3 ноября 1914 года, протоколы Стэплдонского общества

- (74) Отчет о заседании 8 февраля 1915 года, протоколы Стэплдонского общества.
- (75) Отчет о заседании 8 марта 1915 года, протоколы Стэплдонского общества.
- (76) Отчет о заседании 10 ноября 1914 года, протоколы Стэплдонского общества.
- (77) A.J. Dawe, "The crime of Louvain. Vivid account by an eye-witness. A ruthless holocaust. The real horrors of the war" (Э. Дж. До. «Преступление в Лувене. Свидетельство очевидца. Безжалостная резня. Подлинные ужасы войны»), The Times, 3 сентября 1913 г., с. 4.
- (78) Отчет о заседании 17 ноября 1914 года, протоколы Стэплдонского общества.
- (79) Письмо Толкина К.Л. Уайзмену, 16 ноября 1914 г.; семейный архив Толкинов, Бодлеанская библиотека, Оксфорд; цит. по: John Garth, Tolkien and the Great War: The Threshold of Middle-earth (London: HarperCollins, 2003), с. 51.
- (80) При чтении доклада на заседании Общества Солнечных часов в колледже Корпус-Кристи Толкин объявил: «Эти мифологические песни полны той первобытной поросли, которую европейская литература в целом вырубала и прореживала в течение многих веков, хотя и в разной мере и в разные сроки среди разных народов. Хотел бы я, чтобы у нас сохранилось побольше такой мифологии - чего-нибудь подобного, но принадлежащего англичанам» Carpenter, Biography, с. 59. Протоколы Общества Солнечных часов, архивы колледжа Корпус-Кристи, Оксфорд.
- (81) Впоследствии Толкин утверждал (Letters, с. 231): «Как раз тогда, когда на меня обрушилась война 1914 г., я сделал открытие, что «легенды» зависят от языка, к которому принадлежат; но также и живой язык в равной степени зависит от «легенд», которые передает посредством традиции»
- (82) Letters, с.10.
- (83) J.R.R. Tolkien, The Shaping of Middle-earth: The Quenta, the Ambarkanta, and the Annals together with the earliest "Silmarillion" and the first Map, ed. Christopher Tolkien (London: George Allen & Unwin, 1986), с. 214 [Русский перевод см.: Толкин Дж.Р.Р. Устройство Средиземья (История Средиземья. Том IV). - М.: Elsewhere, 2006; пагинация оригинала сохранена]
- (84) J.R.R. Tolkien, "Qenyaqetsa: The Qenya Phonology and Lexicon", Parma Eldalamberon, №12, ed. Christopher Gilson, Carl F. Hostetter, Patrick Wynne and Arden R. Smith (Cupertino: 1998), с. 36, 48, 89, 94. Слова Tol-eressea и Kôr написаны в этом словаре именно так (в других текстах - Tol Eressëa, Kôr).
- (85) G.D.H. Cole and T.W. Earp (eds.), Oxford Poetry 1915 (Oxford: Blackwells, 1915), с. 71. Эрп в своем наброске мемуаров заметил, что стал «более или менее постоянным редактором журнала Oxford Poetry - а также, с гораздо меньшим успехом, периодических изданий Isis и Varsity»; см. рукописи Эрпа.
- (86) The Times, 3 июля 1915 г., с. 6.
- (87) Letters, с. 53.
- (88) How, Register of Exeter College.
- (89) Цит. по редакции ноября 1916 г., с новым заглавием: «Город грез и Город нынешней печали» (The Town of Dreams and the City of Present Sorrow), по: J.R.R. Tolkien, The Book of Lost Tales, Part Two, ed. Christopher Tolkien (London: George Allen & Unwin, 1984), с. 295-296. [Русский перевод см.: Дж.Р.Р.Толкин. История Средиземья. Том II. Книга утраченных сказаний, Часть II / Под ред. К.Р.Толкина; Пер. неформальное творческое объединение ТТТ (TolkienTextsTranslation), под общей редакцией С. Таскаевой. - М.: ТТТ, 2002.; пагинация оригинала сохранена]
- (90) Carpenter, Biography, с. 98.
- (91) Регистрационный журнал библиотеки Эксетер-колледжа.

(92) How, Register of Exeter College, viii. J.M. Winter, “Oxford and the First World War”, в: The History of the University of Oxford, vol. 8, ed. Brian Harrison (Oxford: Clarendon Press, 1994) 18.

(93) “123 of Exeters 141 casualties (87%) were second lieutenants, lieutenants or captains... (123 эксетерца из 141, погибшего на войне (87%) были вторыми лейтенантами, лейтенантами или капитанами)”. J.R. Maddicott, “An infinitesimal part in Armageddon: Exeter College and the First World War,” Exeter College Association Register (Oxford: Exeter College, 1998), с 49.

(94) Maddicott, с. 49-50.

(95) Grotta (2nd ed.). с. 111.

(96) Некролог, The Stapeldon Magazine, декабрь 1915 г., с. 151-152.

(97) The Times, 16 октября 1915 г., с. 3.

(98) Г. Э. Дж. Уиндл был зачислен в 1926 г.. а умер в 1975 г. (Maddicott, с. 53).

(99) Свидетельство о смерти Колина Каллиса.

(100) В самом конце Второй мировой войны Ферст даже сражался на стороне фашистов Муссолини при обороне республики Сало (Michael Mewshaw, “Montale as Couplet”, The Nation, 29 марта 1999 г.) - См. тж. <http://www.thenation.com/doc/19990329/mewshaw>

(100) «Спустя долгое время после войны откуда-то просочился странный слух, что-де два галлипольских ветерана рассказывали, будто видели, как норфолкцы вошли в странное облако, которое поглотило их, а затем поднялось в воздух и уплыло, никого после себя не оставив» (<http://user.online.be/~snelders/sand.htm>) [Согласно данным этого сайта, Олифант был не штабс-капитаном, а лейтенантом].

(102) Тяжелее всего для Толкина было потерять школьных друзей - Р. Кв. Джайлсона и Дж. Б. Смита из Ч.К.Б.О. В 1965 г. Толкин писал, что к концу Первой мировой войны были мертвы все его «близкие друзья», кроме одного. Не названный им по имени друг, переживший войну, был еще один уцелевший член Ч.К.Б.О. - Кристофер Льюк Уайзмен (1893-1987).

(103) Maddicott , с.51.

(104) Robert Graves, Goodbye to All That (London: Penguin, 1960), с. 257.

(105) Из документальной радиопередачи 1974 г. The Road Goes Ever On; автор благодарит Дугласа Э. Андерсона.

(106) Отчет о заседании 10 марта 1920 г., протоколы Эссеистского клуба.

